

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 14, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

- Власова О. А.* Причины создания магистратуры претора в Древнем Риме: историографические концепции 5
- Переладов К. Г.* Венценосный свет в Уложении 1649 года: нормативное оформление составов государственных преступлений в Московской Руси 12
- Красняков Н. И.* Динамика административно-территориального автономизма Малороссии в государственном управлении Российской империи (середина XVII – середина XVIII века) 18
- Данилов И. Б.* Проблемы становления системы местных бюджетов в Сибири в период НЭПа: нормативно-правовой и организационно-идеологический аспекты 29

Гражданское и предпринимательское право

- Пологутина К. С., Шепель Т. В.* Проблемы правовой регламентации последствий признания решения собрания недействительным 34
- Ершова И. В.* Особенности исполнения обязательства по возмещению вреда, причиненного органами местного самоуправления (статья 1069 ГК РФ) 40

Административное право, уголовное право и криминология

- Вахрамеева Л. Н.* Прокурорский надзор и контрольно-надзорная деятельность органов государства: некоторые теоретические аспекты и законодательные проблемы 45
- Романова Л. И., Дремлюга Р. И.* Преступный мир Darknet 52
- Балеев С. А.* Провокация преступления и подстрекательство к нему: проблемы разграничения 61

Развитие юридической науки в Сибири

<i>Леоненко Н. Т.</i> Козицин Яков Максимович: жизнь для людей	66
Сведения об авторах	76
Информация для авторов	77

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2018. Volume 14, № 1

CONTENTS

Theory and History of State and Law

<i>Vlasova O. A.</i> The Reasons for the Creation of the Paetorsip in Ancient Rome: Historiographical Constructs	5
<i>Pereladov K. G.</i> Crowned Light in the Code 1649: Normative Design of the Composition of State Crimes in Moscow Russia	12
<i>Krasnyakov N. I.</i> Dynamics of the Administrative-Territorial Autonomism of Malorussia in the Public Administration of the Russian Empire (From mid-XVII to mid-XVIII Centuries)	18
<i>Danilov I. B.</i> Problems of the Formation of the System of Local Budgets of Siberia in the Period of NEP: Legal and Organizational-Ideological Aspects	29

Civil and Business Law

<i>Pologutina K. S., Shepel T. V.</i> Legal Problems of Invalidation of Decisions of the Meeting	34
<i>Ershova I. V.</i> Peculiarities of Performance of Commitments for Reimbursement of the Harm Caused by Local Self-Government on Art. 1069 Civil Code of the Russian Federation	40

Criminal Law, Criminal Proceeding and Criminology

<i>Vakhrameeva L. N.</i> Public Prosecutor's Supervision and Control and Supervising Activity of Bodies of the State: Some Theoretical Aspects and Legislative Problems	45
<i>Romanova L. I., Dremlyuga R. I.</i> Crimeworld of Darknet	52
<i>Baleev S. A.</i> Provocation Crimes and Incitement: Problems of Differentiation	61

The Development of Juridical Science in Siberia

<i>Leonenko N. T.</i> Kozitsyn Yakov Maksimovich: Life for People	66
Our Contributors	76
Instruction to Contributors	77

Editor in Chief V. N. Lisitsa *Associate Editor* N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, Ch. I. Arabaev, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, S. P. Moroz, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54
E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 34(37) + 342.5
DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-5-11

О. А. Власова

*Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета
ул. Кузнецова, 1, Ярославль, 150010, Россия*

ol.vlasova123@gmail.com

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ МАГИСТРАТУРЫ ПРЕТОРА В ДРЕВНЕМ РИМЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Претура занимала важное место в римской *civitas* и существенным образом повлияла на развитие публичного и частного права Рима. Одним из наиболее дискуссионных вопросов при изучении претуры остается вопрос о причинах появления данной магистратуры в государственной системе Римской республики. В статье рассматриваются существующие в отечественной и зарубежной науке концепции причин, приведших к созданию новой должности. В ходе работы были выделены и проанализированы два основных направления, сложившихся в историографии. Первое полагает учреждение претуры одним из этапов сословной борьбы как «компенсацию» патрициям, позволившим плебейам получить доступ к консулату. Второе направление представлено авторами, выделяющими в качестве основной причины создания претуры рост должностных обязанностей римских магистратов в судебной, военной или административной сфере. В работе используются специально-исторические и специально-юридические методы, обеспечивающие возможность междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: претор, государство, Древний Рим, антиковедение, римское публичное право, республика, магистраты, историография.

Одним из важнейших элементов римской государственно-правовой структуры была магистратура претора. Именно благодаря функционированию претуры в римском частном праве появилась важная специфическая часть – преторское право. Тем не менее, претура редко становилась предметом исследовательского интереса правоведов и историков, и многие ее стороны требуют более углубленного изучения. Одним из дискуссионных вопросов в изучении претуры является вопрос о причинах ее появления. Исследователи предлагают различные варианты решения этого вопроса. Можно выделить два основных направления, сложившихся в науке: во-первых, яростная сословная борьба патрициев и плебеев, в результате которой претура создается как своего рода компенсация для патрициев, позволивших плебейам занять одно из консульских мест; во-вторых, расширение объема должно-

стных обязанностей высших магистратов и растущая необходимость в большем числе должностных лиц с империем.

«Компенсационная» гипотеза создания магистратуры претора

Наиболее полно в источниках говорится о создании преторской должности как о своего рода компенсации патрициям после предоставления одного консульского места для плебеев. Ливий очень подробно говорит о сословной борьбе между патрициями и плебейами, развернувшейся после того, как в 375 г. до н. э. плебейские трибуны Гай Лиций Столон и Луций Секстий предложили законопроект об отмене консулярного трибуната и о создании двухместного консулата с равной властью, в котором должность одного из консулов предоставлялась плебейам (Liv. VI. 35. 1–5). Только в 367 г. до н. э.

Власова О. А. Причины создания магистратуры претора в Древнем Риме: историографические концепции // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 1. С. 5–11.

«знать уступила простому народу, согласившись на избрание плебейского консула, а простой народ – знать, согласившись на избрание одного патрицианского претора, чтобы тот вершил суд в городе» (Liv. VI. 42. 10–11).

Одним из первых историков, подробно рассматривавших причины создания преторской должности в 367 г. до н. э. в русле данной гипотезы, был Т. Моммзен. Он писал, что «знать попыталась – по случаю проведения Лициниевых законов – сохранить хоть некоторые остатки своих прежних привилегий при помощи разных политических урезок и уловок» [1. С. 295–296], и под предлогом того, что только патриции обладают знанием законов, выделить отправление правосудия в особую магистратуру, занимать которую могли исключительно патриции.

Также в попытке патрициев оказывать давление на плебеев видел причину появления «судебного» претора А. Блох, полагая, что выделение судебной сферы было закономерным и необходимым, поскольку «вся тяжесть государственной работы лежала теперь снова на двух консулах, сменивших целую коллегию трибунов» [2. С. 45].

В современной историографии данную гипотезу поддерживает ряд исследователей, в том числе и столь авторитетные, как Гаэтано де Санктис [3. Р. 205], Франческо де Мартино [4. Р. 429], Ульрих фон Любтов [5. S. 230–231].

Из дореволюционных историков-правоведов России подобного мнения придерживался И. В. Нетушил, отмечая, что «главная концессия плебеям заключалась в гарантировании им одного места в составе высшей магистратуры, но с выделением судебной претуры в отдельную должность» [6. С. 117]. Мнение И. В. Нетушила разделял также В. И. Герье [7. С. 122].

Данная точка зрения была весьма популярна и в отечественной литературе советского времени. В определенной степени это, возможно, объясняется тем повышенным интересом к аспектам «классовой» борьбы в древних обществах, которое проявляли исследователи, основываясь на формационной теории в условиях господствовавшей марксистско-ленинской концепции развития общества.

Подобным образом объяснял появление самостоятельной, по большей части судеб-

ной (по мнению автора), магистратуры С. И. Ковалев [8. С. 93–94]. Он также полагал, что патриции через создание открытой исключительно для патрициата претуры «компенсировали себя» после вынужденного предоставления плебеям консульского места. А. И. Немировский видел причину учреждения претуры в попытке патрициев парализовать успех плебеев, достигнутый в ходе сословной борьбы за право занимать консульскую должность. При этом патриции апеллировали к тому, что только они, благодаря древности рода, могут быть знатоками обычаев и права [9. С. 263–264]. С точки зрения Ф. М. Нечая, патриции были явно заинтересованы в создании претуры, поскольку это позволило им ограничить полномочия плебейского консула, передав судопроизводство из смешанного патрицианско-плебейского консулата в исключительно патрицианскую претуру [10. С. 184–185].

Судебные мотивы появления должности претора

Исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, причиной создания претуры полагают расширение гражданской сферы деятельности консулов, вызванное территориальными захватами Рима. По их мнению, появление претора было обусловлено не столько компромиссом между патрициями и плебеями, сколько необходимостью в судебном магистрате. О «судебных» мотивах создания претуры говорит Помпоний, замечая, что, поскольку консулы были заняты своими военными обязанностями и часто отсутствовали в Риме, для отправления правосудия была учреждена должность претора (D. 1. 2. 2. 27).

В отечественной историографии одним из первых, кто придерживался «судебной» гипотезы возникновения претуры, был историк права XIX в. Д. Азаревич. Исследователь связывал создание в 367 г. до н. э. преторской должности с необходимостью «творить суд в условиях частого и дальнего отсутствия консулов в Риме» [11. С. 74–75]. При этом следует учитывать, что Д. Азаревич полагал, что у патрициев не было «привилегии исключительного знания права», вследствие того, что плебеи, по мнению автора, являлись полноправными гражданами, имеющими по закону право на занятие любой должности. На основании этого Д. Аза-

ревич делал вывод: у патрициев не было мотивов добиваться отделения от консулата судебных обязанностей.

В целом создание должности претора по судебным мотивам являлось распространенной гипотезой в среде юристов и историков права. И. А. Покровский считал, что основным мотивом римлян при учреждении претуры было то обстоятельство, что «консулы обыкновенно были отвлекаемы из Рима своими военными делами, а между тем необходимо было иметь в Риме постоянно такого представителя власти, который мог бы быть их заместителем в деле охраны внутреннего порядка и права». Таким заместителем, по мнению И. А. Покровского, и явился претор [12. С. 109]. По мнению М. М. Хвостова, консулы не справлялись со своими обязанностями, потому к претору перешли судебные функции консулов [13. С. 148].

В современной историографии интерес представляет точка зрения Л. Капогресси Колоньезе, профессора Римского Университета, предложившего считать появление претуры последним этапом в длительном процессе секуляризации права, т. е. в переходе судебно-правовых полномочий из коллегии понтификов в руки избранных народных магистратов [14. Р. 119].

Интересную интерпретацию предлагает отечественный историк права Л. Л. Кофанов. Его гипотеза не вписывается в «компенсационную» теорию, хотя он и пишет о компромиссе между патрициями и плебеями. Однако, по мнению Л. Л. Кофанова, создание преторской должности было выгодно в первую очередь плебеям, а не патрициям. «Возможно, что появление должности городского претора в 367 г. до н. э. – это результат некоего компромисса между патрициями и плебеями в области организации судопроизводства, ставший возможным в результате многолетней борьбы плебеев... Контроль за законами и правом и организация судопроизводства в целом оказались в руках светского магистрата – городского претора. За понтификами оставалась роль хранителей законов и обычаев предков, а особенно их интерпретации, то есть они сохраняли за собой те функции, которые позднее перешли к римским юристам» [15. С. 10–12].

Создание претуры с исключительно военными целями. Ряд исследователей придержи-

живается иной гипотезы, утверждающей, что первоначальная деятельность претора была связана не с судопроизводством, но исключительно с административными и военными обязанностями.

Из всех источников о прямом военном назначении претуры говорит только Иоанн Лид, византийский автор VI в. (*De magistr.* 1. 38). Тем не менее в современной науке «военная» гипотеза учреждения должности претора является весьма популярной. Одним из первых подобный взгляд на причины появления претуры высказал У. Коли, предположив, что деятельность преторов первоначально никак не была связана с судопроизводством [16. Р. 571–610]. Согласен с ним и Р. Э. Митчелл, полагавший, что претор никоим образом не мог быть создан для ведения судопроизводства и даже не занимался судебными делами еще около двух столетий после появления самой должности претора [17. Р. 184–185]. Аргументирует автор данный тезис тем, что, по его мнению, слишком мало информации об этой стороне преторской деятельности. К сторонникам данного направления относится и К. Бреннан, уделяющий особое внимание галльскому нашествию и неспособности, как он полагает, военных трибунов с консульской властью обеспечить необходимую защиту Рима и вести удачные военные кампании. К. Бреннан полностью отвергает «судебные» мотивы образования претуры [18. Р. 61–63]. По мнению исследователя, претура была создана в условиях серьезного военного кризиса, она была непосредственно вызвана к жизни «галльской угрозой», весьма реально ощутимой в 367 г. до н. э. Потому автор делает вывод, что, возможно, главной функцией претора была защита Города [18. Р. 68–73]. Отрицает судебные полномочия у созданного в 367 г. до н. э. претора и А. В. Коптев [19. С. 302], опираясь в своих рассуждениях на работы У. Коли и К. Бреннана.

С точкой зрения, высказанной У. Коли, Р. Э. Митчеллом и К. Бреннаном, – что причиной создания претуры являлась исключительно военно-административная необходимость, и, следовательно, Ливий допускает анахронизм, утверждая, что преторы были созданы как судебные магистраты, – согласиться, на наш взгляд, сложно. Действительно, Ливий практически не говорит о выполнении претором своих судебных обязанностей, хотя подробно повествует о военной

стороне функционирования претуры. Тем не менее, как верно замечает Л. Л. Кофанов, оснований для обвинения Ливия в анахронизме лишь по этим двум тезисам нет [20. С. 60]. Претор активно участвовал в военных кампаниях именно тогда, когда на фронтах не хватало магистрата с империем, когда требовалось к двум консульским еще одно войско. Отсутствие же сведений о судебной деятельности претора у Ливия подтверждает лишь тот факт, что подобных данных в целом было недостаточно и у самого историка. Даже позднее, когда участие претора в судопроизводстве с уверенностью подтверждается множественными источниками, у Ливия очень редко встречаются упоминания об этой стороне преторской деятельности. Ливий вообще очень мало говорит о судебной деятельности римских магистратов, особенно в период Ранней Республики.

Анализ сохранившихся сведений о преторах первых ста лет после законов Лициния – Секстия, до начала Первой Пунической войны, дает нам интересную картину. Из 19 известных нам преторов (преторство Аппия Клавдия Цека в 297 г. до н. э. предположительно¹) лишь о пяти можно утверждать, что они вели военные действия: Публий Валерий Публикола в 349 г. до н. э. (Liv. 7.23.3), Луций Пинарий в 348 г. (Liv. 7.25.12–13), Публий Семпроний Соф в 296 г. (Liv. 10.21.4–10), Аппий Клавдий Цек в 295 г. (Liv. 10.22.9), Луций Цецилий Метелл Дентер в 282 г. (Liv. Per. 12; Polib. 2.19.8; Oros. 3.22.13–14). Если претура создавалась именно для военного командования, следовало бы ожидать гораздо более частого упоминания преторов-полководцев в источниках. Это позволяет предположить, что военная составляющая в числе причин создания претуры присутствует лишь в виде необходимости непосредственно охранять Рим и возможности претора быть «на подхвате» у консула в случае крайней военной нужды.

Ряд исследователей полагает, что нет необходимости четко выделять единственную причину создания преторской должности.

По мнению Ф. Эббота, при учреждении претуры в 367 г. до н. э. у римлян было два мотива. С одной стороны, консулы не справлялись со своими обязанностями, с другой –

патриции хотели удержать за собой судебную сферу после того, как согласились, чтобы право на занятие консулата было предоставлено плебеям [22. Р. 37]. Также о сочетании этих двух движущих мотивов при учреждении претуры заявлял Т. М. Тэйлор, подробно рассматривавший законы Лициния – Секстия и их последствия как в экономической жизни, так и в политических реалиях римского общества [23. Р. 111–117].

Некоторые из исследователей, как К. Раафлауб, предлагая не разделять строго «судебный» и «военный» подходы, объединяют их и полагают, что претор создавался с двойственной целью: контролировать судопроизводство и быть «вторым» командующим на войне [24. Р. 138].

В современной историографии постепенно получает признание еще одна гипотеза – о том, что в учреждении претуры сложно выделить одну конкретную причину (сословный компромисс, исключительно военные или судебные мотивы). Все чаще в исследовательских работах речь заходит о том, что создание магистратуры претора было не столько вынужденной мерой под давлением одного из сословий, сколько сознательным актом с целью повысить эффективность управления, и проходило в рамках масштабной административной реформы всего государственного управления Рима. Подобную гипотезу разделяет Т. Корнелл. Исследователь полагает, что появление претуры стало одним из этапов административной реформы, начавшейся в 443 г. до н. э. учреждением должности цензоров и завершившейся сменой коллегии консулярных трибунов с равной властью на иерархическую систему классических римских магистратур [25. Р. 228]. К точке зрения Т. Корнелла присоединяется А. В. Васильев и уточняет, что создание претуры в то же время явилось проявлением нового для римлян понятия «provincial» как компетенции [26. С. 115].

Близкую версию событий, происходивших в 370-х – 360-х гг. до н. э., предлагает М. В. Белкин [27]. По мнению исследователя, в середине 70-х гг. IV в. до н. э. патриции попытались реформировать систему управления, вернувшись к консулату и выдвинув идею о создании претуры (как вспомогательной должности) и двух должностных мест курульных эдилов. После затяжного политического кризиса соглашение было

¹ Восстановлено Т. Р. С. Броутоном по дате второго преторства в 295 г. до н. э. [21. Р. 175].

достигнуто. Плебеи не возражали против реорганизации системы магистратур, а патриции позволяли Секстию и Лицинию провести свои законы.

С нашей точки зрения, наиболее научно плодотворной является комплексный подход к выявлению причин создания магистратуры претора. Отрицать наличие сословной борьбы в раннереспубликанском Риме сложно и, вероятно, компромисс, по которому только патриции получали право занимать должность претора, действительно имел место. Однако плебеи так быстро согласились на предоставление подобной «компенсации» патрициям еще и потому, что их вполне устраивал тот факт, что теперь судебные дела переходят из ведомства понтификов (которые набирались из знатных семейств) в обязанности избираемого всеми гражданами магистрата. С другой стороны, несомненны судебные и военные мотивы создания должности претора. Римское государство росло территориально и усложнялось как политический институт, увеличивались гражданские и военные обязанности, возлагаемые на высших магистратов. Претор, наделенный империем (высшей властью в военной, правовой и административной областях) и стоящий в иерархии ниже консула, позволял обеспечить более эффективное решение проблем, возникающих перед Республикой.

Весьма перспективна гипотеза об административной реформе, в рамках которой создается претора, поскольку дальнейшие исследования в этом направлении дают возможность для более охватывающего, системного анализа эволюции римской государственно-правовой структуры.

Список литературы

1. Моммзен Т. История Рима: В 3 т. Ростов н/Д., 1997. Т. 1.
2. Блох А. Сословная и социальная история Римской Республики. СПб., 1904.
3. *Sanctis de G.* Storia dei Romani. La Conquista del primato in Italia II. Firenze, 1966.
4. *Martino de F.* Storia della Costituzione Romana. Napoli, 1958.
5. *Lubtow von U.* Das Romische Volk: Sein Staat und Recht. Frankfurt a. M., 1955.
6. Нетушил И. В. Лекции по римской истории. Харьков, 1909. Т. 1.
7. Герье В. И. История римского народа. М., 2002.
8. Ковалев С. И. История Рима: Курс лекций. Л., 1986.
9. Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.
10. Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972.
11. Азаревич Д. Патриции и плебеи в Риме. СПб., 1875. Т. 1.
12. Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998.
13. Хвостов М. М. История Рима. Казань, 1907.
14. *Capogrossi Colognesi L.* Diritto e potere nella storia di Roma. Napoli, 2007.
15. Кофанов Л. Л. Генезис преторского права в Риме IV в. до н. э. // Forum Romanum: Докл. III Междунар. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль; Москва, 2003. С. 10–15.
16. *Coli U.* Scritti di diritto romano. Milano, 1973. Vol. 2.
17. *Mitchell R. E.* Patricians and plebeians: The Origin of the Roman State. Ithaca, NY, 1990.
18. *Brennan C.* The Praetorship in the Roman Republic. Oxford, 2000.
19. Контев А. В. Сведения Тита Ливия о развитии консулата в IV в. до н. э. // Мнемон. 2015. № 15. С. 291–321.
20. Кофанов Л. Л. Характер преторского эдикта в Риме IV–III вв. до н. э. // *Ius Antiquum*. 2004. № 2 (14). С. 60–68.
21. *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta, 1951. Vol. 1.
22. *Abbot F. F.* A History and Description of Roman Political Institutions. Boston; London, 1901. Pt 2.
23. *Taylor Th. M.* A constitutional and political history of Rome from the earliest times to the reign of Domitian. London, 1899.
24. *Raaflaub K. A.* Between Myth and History: Rome's Rise from Village to Empire (the Eighth Century to 264) // A companion to the Roman Republic / Ed. by Nathan Rosenstein and Robert Morstein-Marx. Blackwell Publishing Ltd, 2006. P. 125–147.
25. *Cornell T. J.* The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (1000–264 BC). London, New-York: Routledge, 1995. 507 p.

26. *Васильев А. В.* Магистратская власть в Риме в республиканскую эпоху: традиции и инновации: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

<http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/belkin/belk011.htm> (дата обращения 12.02.2018).

27. *Белкин М. В.* Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI–IV вв. до н. э. URL:

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

O. A. Vlasova

*Moscow University of Finance and Law (Yaroslavl branch)
1 Kuznetsov Str., Yaroslavl, 150010, Russian Federation*

ol.vlasova123@gmail.com

THE REASONS FOR THE CREATION OF THE PAETORSIP IN ANCIENT ROME: HISTORIOGRAPHICAL CONSTRUCTS

Praetorship occupied important place in Roman civitas and had a significant influence on the development of public and private law of Rome. One of the most controversial issues in the study of the praetorship remains the question of the reasons for the introduction of this magistracy in the state system of Ancient Rome. The article presents the scientific outlooks on the reasons for the creation of the magistracy of the praetor. During our research two main trends in science were identified and analyzed. The first believes that the establishment of the praetorship is one of the stages of the class struggle, as "compensation" to the patricians, which allowed the plebeians to gain access to the consulate. The second direction is presented by the authors, highlighting as the main reason for the creation of the praetor the growth of the official duties of the Roman magistrates in the judicial, military or administrative spheres. We used special-historical and special-juridical methods.

Keywords: praetor, state, Ancient Rome, classical studies, ius publicum, republic, magistrates, historiography.

References

1. Mommzen T. *Istoriya Rima [History of Rome]*. In 3 vols. Rostov on Don, 1997, vol. 1. (in Russ.)
2. Blokh A. *Soslovnaya i sotsial'naya istoriya Rimskoj Respubliki [The Class and Social History of the Roman Republic]*. St. Petersburg, 1904. (in Russ.)
3. Sanctis de G. *Storia dei Romani. La Conquista del primato in Italia II*. Firenze, 1966.
4. Martino de F. *Storia della Costituzione Romana*. Napoli, 1958.
5. Lubtow von U. *Das Romische Volk: Sein Staat und Recht*. Frankfurt am Main, 1955.
6. Netushil I. V. *Lektsii po rimskoj istorii [Lectures on Roman History]*. Kharkov, 1909, vol. 1. (in Russ.)
7. Ger'e V. I. *Istoriya rimskogo naroda [The History of the Roman People]*. Moscow, 2002. (in Russ.)
8. Kovalev S. I. *Istoriya Rima [History of Rome]*. Lectures. Leningrad, 1986. (in Russ.)
9. Nemirovskij A. I. *Istoriya rannego Rima i Italii. Vozniknovenie klassovogo obshchestva i gosudarstva [The History of Early Rome and Italy. The Beginning of Class Society and State]*. Voronezh, 1962. (in Russ.)
10. Nechaj F. M. *Obrazovanie Rimskogo gosudarstva [The Formation of the Roman State]*. Minsk, 1972. (in Russ.)
11. Azarevich D. *Patritsii i plebei v Rime [Patricians and Plebeians in Rome]*. St. Petersburg, 1875, vol. 1. (in Russ.)
12. Pokrovskij I. A. *Istoriya rimskogo prava [History of Roman Law]*. St. Petersburg, 1998. (in Russ.)
13. Khvostov M. M. *Istoriya Rima [The History of Rome]*. Kazan, 1907. (in Russ.)
14. Capogrossi Colognesi L. *Diritto e potere nella storia di Roma*. Napoli, 2007.

15. Kofanov L. L. Genезis pretorskogo prava v Rime IV v.do n. e. [Genesis of the Praetor Law in Rome in IV century BC]. Forum Romanum. Doklady III Mezhdunarodnoj konferentsii «Rimskoe chastnoe i publichnoe pravo: mnogovekovoj opyt razvitiya evropejskogo prava». Moscow, 2003, p. 10–15. (in Russ.)
16. Coli U. Scritti di diritto romano. Milano, 1973, vol. 2.
17. Mitchell R. E. Patricians and plebeians: The Origin of the Roman State. Ithaca, NY, 1990.
18. Brennan C. The Praetorship in the Roman Republic. Oxford, 2000.
19. Koptev A. V. Svedeniya Tita Liviya o razvitii konsulata v IV v. do n. e. [Livy's Information about the Development of the Consulship in the IV BC]. *Mnemon*, 2015, № 15, p. 291–321. (in Russ.)
20. Kofanov L. L. Kharakter pretorskogo edikta v Rime IV–III vv. do n. e. [The Character of the edict of the praetor in Rome in IV–III centuries BC]. *Ius Antiquum*, 2004, № 2 (14), p. 60–68. (in Russ.)
21. Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta, 1951, vol. 1.
22. Abbot F. F. A History and Description of Roman Political Institutions. Boston, London, 1901, pt 2.
23. Taylor Th. M. A constitutional and political history of Rome from the earliest times to the reign of Domitian. London, 1899.
24. Raaflaub K. A. Between Myth and History: Rome's Rise from Village to Empire (the Eighth Century to 264). *A companion to the Roman Republic*. Ed. by Nathan Rosenstein and Robert Morstein-Marx. Blackwell Publishing Ltd, 2006, p. 125–147.
25. Cornell T. J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (1000–264 BC). London, New York: Routledge, 1995, 507 p.
26. Vasil'ev A. V. Magistratskaya vlast' v Rime v respublikanskuyu ehpokhu: traditsii i innovatsii [Magistrate Authority in Rome in the Republican Era: Traditions and Innovations]. Dis. ... Cand. Hist. Sciences. St. Petersburg, 2014, 214 p. (in Russ.)
27. Belkin M. V. Rimskij senat v ehpokhu soslovnoj bor'by VI–IV vv. do n. e. [The Roman Senate in the Era of the Class Struggle of the VI–IV Centuries BC]. URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/belkin/belk011.htm> (12.02.2018). (in Russ.)

For citation:

Vlasova O. A. The Reasons for the Creation of the Paetorsip in Ancient Rome: Historiographical Constructs. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 5–11. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-5-11

К. Г. Переладов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

perseya007@yandex.ru

ВЕНЦЕНОСНЫЙ СВЕТ В УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА: НОРМАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОСТАВОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МОСКОВСКОЙ РУСИ

Рассматривается вторая глава Соборного Уложения 1649 г. Отличительной особенностью является анализ составов государственных преступлений через призму аутентичного средневекового понимания закона, концентрирующего нормы государственного и канонического права. Кроме того, обращается внимание на значение обычного права для понимания составов государственных преступлений со стороны населения Московской Руси. Своеобразие юридической техники XVII в. заключалось в дифференцированном подходе к составам государственных преступлений (элитарные и массовые). Это находило отражение в композиционной структуре данной главы Уложения и получило развитие в судопроизводстве имперской России.

Ключевые слова: средневековое право, Уложение 1649, составы государственных преступлений, Московская Русь.

В данной статье мы сосредоточим внимание на фундаментальных основах нормативного регулирования составов государственных преступлений, отраженных в главе второй Соборного Уложения. Вторая глава Уложения оказалась правовой нормо-долгожительницей из всего корпуса 25 глав, сотворенных усилиями московских приказных, вместе с челобитными от городов. Фактически и юридически именно эта глава связала эпоху Московской Руси и петербургскую Империю эпохи Николая I в сфере конструкции нормы – состава политических преступлений. Все это заставляет пристальнее посмотреть на композиционную структуру и юридическую технику, которая применялась при создании законодательных основ этой важнейшей части средневекового нормативно-правового акта.

Исследованием самого Уложения и его второй главы на регулярной основе занимались выдающиеся историки права как доре-

волюционной, так и советской и постсоветской России. Не обошли вниманием и западные исследователи этот 317-метровый столбец, положивший начало эпохе печатного права Московской Руси и переживший самую масштабную и профессиональную реставрацию оригинала в 2008–2012 гг. [1–4].

Парадоксальным образом, несмотря на многие ценные замечания и наблюдения над текстом второй главы, остаются открытыми вопросы об архитектуре норм, регулирующих составы государственных преступлений, иерархии и круге лиц, подпадающих под составы государственных преступлений, логике построения и юридической силе этой элитарной главы московского средневекового права.

Внимательный анализ уровня юридической техники, представленной в главе «О Государской чести, и как Его Государское здоровье оберегать», позволяет выявить четкое деление текста на две части. Первая

часть включает статьи с 1 по 11, вторая – с 12 по 22 [5. С. 17].

Удивительным образом исследователи не замечали этот «водораздел», умело интегрированный в структуру указанной главы московскими приказными.

Представляется, что причина кроется в особенностях формулирования главы первой, которая нацеливала ученых на обобщенный подход к анализу составов преступлений против Русской православной церкви. Однако внимательное изучение обозначения составов государственных преступлений в первой части II главы показывает терминологические тонкости, которые отражают правопонимание составителей этой главы. Разберем эти особенности и постараемся реконструировать авторскую архитектуру важнейшей части Уложения 1649 г.

Обозначение и терминология преступных деяний первой части резко контрастирует с частью второй. Например, в первой части используются формулы «злое умышление», «злое дело». Вторая часть представлена формулой «великое государево дело», «государево великое дело», «великое дело», «Государево дело или слово» (ст. 14), «Государево великое дело, или измена».

Разберем этимологию этих слов и выражений. По словарю Даля, «зло» – всякое зло противно божескому порядку, иногда «злой» означает высшую степень подразумеваемого свойства. «Умышление» – умысел, умысл (в данном контексте подразумевается «Злое умышление»). Примеры, которые приводит автор Словаря, четко отражают специфику данной терминологии: «по умышлению вражью стались крамолы», «умышление или умыслы заговорщиков открыты» [6. С. 1704].

При этом термин «великий» (церк. велий) словарь определяет как превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой. Термин «Государь» означает «всякий светский владыка, верховный глава страны, владетельная особа». «Государев» – ему или ей принадлежащий, свойственный, к нему или к ней относящийся.

Таким образом, если следовать этимологии понятийного аппарата Уложения, в первой части подразумеваются составы противные сакральному порядку, а во второй – порядку светскому. Кроме того, сакральный смысл первой половины II главы выявляет прочную связь с I главой Уложения. Это совпадает с пониманием «закон» в обыден-

ном языке Московской Руси XVII столетия, а именно: 1) совокупность правил поведения, предписываемых той или иной религией (христианский закон, влияние норм канонического права); 2) установленное высшим органом власти, постановление, предписание; 3) строгий приказ, распоряжение, требование, от кого-то [7. С. 46–47]. Эту иерархию мы и наблюдаем в нормативном оформлении составов государственных преступлений II главы!

Все три элемента понимания закона средневековым московским и провинциальным людом интегрально инкорпорированы в текст второй главы Уложения. Симптоматично, что иерархия составов преступлений второй главы определяется терминологически точно в рамках понятийного аппарата Московской Руси. Настолько точно, насколько это возможно было отразить средствами московского великорусского / обиходного языка середины XVII в.

Примечательно, что территориальный охват и формальная, юридическая сила первой части II главы фиксируются в границах Московского государства. Сам термин четырежды используется в 3-х статьях первой части и только единожды упоминается во второй части [5. С. 37].

При этом локализация наиболее опасных составов и процессуальные основы судопроизводства по государственным преступлениям реконструируются законодателем в контексте средневековых городов Московской Руси. Процентное содержание горожан (по новейшему исследованию группы международных экспертов в области исторической урбанистики) в Центральной и Восточной Европе составляло от 3,6 в начале до 3,4 % в конце XVII столетия [8. С. 37]. Численность населения Московского государства на 1646 г. составляла 6,7 млн человек, а в 1680 г. выросла до 10,2 млн человек [9. С. 37].

Следовательно, накануне принятия Уложения только городское сословие в объеме 3,5 % (примерно 234 500 человек) могло рассчитывать на реальное покрытие нормативного регулирования наиболее опасных составов государственных преступлений. Особенно интересно, что в числе этих горожан выделяются владельцы вотчин и их родственники.

Крестьянское сословие мыслится составителями Уложения исключительно в кон-

тексте ложного слова и дела и упоминается только однажды, а именно в статье 13 II главы.

Нормативное оформление и процессуальные основы составов политических преступлений ярко проявляются через призму спектра преступных деяний, отраженных в числителе и знаменателе второй главы Уложения правительства царя Алексея Михайловича. Составы преступлений первой части подразумевают несколько вариантов. Характерно, что все они прямо или косвенно связаны с особенностями трактовки термина «здоровье» в обиходном языке Московской Руси. Название второй главы и содержание, если исходить из средневекового правопонимания, открывают нам красочные и неординарные аспекты нормативного оформления составов государственных преступлений. Примечательно, что термин «честь» не получает никакого развития в тексте II главы и упоминается только в названии. При этом термин «здоровье», напротив, пронизывает всю структуру этой самой главы. Следует отметить, что помимо традиционного понимания «здоровья» как нормального функционирования человеческого организма термин подразумевал в эпоху первых национальных Судебников еще один важный аспект: как гарантия безопасного передвижения по какой-либо территории [7. С. 286–287]. Знаменательно, что это значение фиксируется с конца XV в. в отношении представителей элитарных сословий. Древность и семантика этого значения протягивают линию от Судебника 1497 г. до Уложения 1649 г. Таким образом, территориальная целостность и угрозы этой целостности в границах Московской Руси понимаются в неразрывной связи с безопасностью движения главы средневекового государства по суверенной территории. Это отражается в композиционном и нормативном оформлении составов государственных преступлений в отношении узкого круга состоятельных лиц, упоминаемых в первой половине второй главы (ст. 1–11). В этих статьях закрепляются составы государственных преступлений: 1) умысел на Государево здоровье в категориях «злого дела»; 2) попытка захвата всей территории Московского государства, т. е. нарушение государственного суверенитета, попытка захвата части территории (отдельного города), поджог города (ст. 1–4).

В основе нормативного регулирования особо опасных составов государственных преступлений заложен симбиоз православного и светского начал государственного права, международно-правовой и территориальной принципы. Помимо территориального используется родовой принцип нормативного оформления составов государственных преступлений. Особенно важно, что родовая линия охватывает не только ближайших родственников, но и неопределенный круг дальних и очень дальних родственников (ст. 9). «А будет кто изменит, а после его в Московском государстве останутся отец, или мати, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду...») [5. С. 18]. Потрясает глубина нормативного оформления ответственности в отношении наиболее опасных составов государственных преступлений по кругу родственных лиц. При этом речь идет о представителях элитарных слоев населения Московской Руси – владельцах поместий и вотчин!

Вторая часть этой выдающейся главы Уложения разительно отличается и по кругу лиц, и по составу преступлений, и по санкциям. Достаточно отметить, что правопонимание термина «государское здоровье» мыслится в этой части в рамках традиционной интерпретации. В правовой обиход вводится и законодательно закрепляется формула «Государево дело или слово» (ст. 14 Уложения).

Нормативное оформление составов государственных преступлений в этой части (ст. 12–22 Уложения), прежде всего, фиксируется на проблематике ложного «Государева дела или слова» (ст. 12–14). Знаменательно, что подобный состав законодатель связывает, прежде всего, с крестьянским сословием, затем ответственность распространяется на представителей служебных чинов Московского государства. Финальная ответственность за ложное информирование Московского правительства по составам государственных преступлений возлагается на представителей местных администраций в лице воевод и приказных (ст. 22 Уложения).

Примечательно, что законодатель нигде в первой части главы не использует полную формулу «государево слово и дело». Только во второй части наблюдаем оформление этой формулы в полном объеме и только по

особым, ложным составам государственных преступлений. По наблюдениям профессора Н. Я. Новомбергского на основе проработки правоприменительной практики московских приказов и местной администрации, «в первой половине XVII столетия полная известная формула встречается всего лишь в четырех случаях» [10. С. 11]. Следовательно, основной задачей нормативного оформления составов государственных преступлений являлась дифференциация этих составов на элитарные, особо опасные (сакральные) и массовые (светские). Последние были тесно связаны с проблемой ложного понимания составов государственных преступлений. Возникает закономерный вопрос о причинах априорного связывания законодателем крестьянского сословия Московской Руси с формулой ложного «Государева дела или слова». Ответ представляется в особенностях правосознания российского крестьянства, построенного на прочной, многовековой базе обычно-правовой традиции. Нормы государственного права в сфере преступлений против государства (и не только) существенным образом не могли проникнуть и повлиять на правопонимание в рамках обычного права крестьянства Московской Руси. Сакрализация наиболее опасных составов государственных преступлений отражает попытку властей инкорпорировать нормы канонического права для лучшего усвоения реальных, серьезных и опасных составов, вытекающих из приоритетов права государственного, прежде всего, для элитарных сословий.

Не менее серьезным аспектом представляется вопрос о том, как быстро нормативное оформление составов государственных преступлений было реализовано на карте городов Московского государства. И здесь нас ждет еще одна загадка: покрытие и рассылка текстов Уложения по территории Московского государства осуществлялась неравномерно. Так, в некоторые южные и юго-западные города Московской Руси печатные книги Уложения и новоуказные статьи поставлялись не в полном объеме на протяжении 1649–1690 гг. [11. С. 48].

В частности, отдельные города, расположенные от Москвы на расстоянии от 300 до 600 и более километров в южном, юго-западном направлениях, в некоторых случаях не получали тексты Уложения, и воеводы не могли квалифицированно определить

составы государственных преступлений по московским новеллам. По всей видимости, московское правительство сталкивалось с этой проблемой и ранее. Именно поэтому в число потенциально ответственных за ложную формулу «Государева дела или слова» попадают всяких чинов люди, проживающие на территории средневековых городов. Слабость реализации государственного права на недавно включенных территориях компенсировалась внедрением властями формулы аксиоматического, ложного понимания нормативных составов политических преступлений со стороны подавляющей массы населения Московского государства и схематичностью и фрагментарностью составов политических преступлений, отраженных в тексте II главы Уложения. Кроме того, аксиоматичность ложных составов государственных преступлений определялась влиянием и действием обычного права в качестве юридически значимой нормы в XVII в., что составляло особенность и своеобразие правопонимания со стороны российского крестьянства на гигантских территориях Московской Руси.

Перспектива нормативной дифференциации составов государственных преступлений Московского государства проявляется в Российской имперской правоприменительной практике, в частности, при разделении политической ссылки на элитарную и массовую. Данное обстоятельство отражалось в делопроизводственных документах политического суда Российской империи первой и второй половины XVIII в. Кроме того, даже в документах правительства Екатерины II и ее собственных ответах – распоряжениях на доклады московского генерал-губернатора и высокопоставленных руководителей Тайной Экспедиции при квалификации состава преступления Емельяна Пугачева (еще до вынесения судебного решения) использовался термин «злодей», подразумевавший терминологический оборот «злое дело», – сакральную формулу, сочетающую нормы канонического и государственного права Московской Руси. Сочетание этих элементов получило отражение в тексте народной песни XVII столетия:

Милосердной царь милостив,
Злости неверным всем спустил,
Абы злости не творили,
Государю верны были.

Список литературы

1. Волчкова М. А., Морозов Б. Н., Эскин Ю. М. Столбец-свиток Соборного уложения 1649 г.: история бытования, реставрация и исследование // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 44–54.
2. Hellie R. Ulozhenie Commentary: Preamble and Chapters 1–2 // Russian History. 1988. Vol. 15. No. 2–4.
3. Hellie R. The impact of the southern and eastern frontiers of Muscovy on the «Ulozhenie» (Law Code) of 1649 compared with the impact of the western frontier // Russian History. 1992. Vol. 19. No. 1/4. P. 75–95.
4. Feldbrugge F. A. History of Russian Law from Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649. Netherlands: Brill., 2017.
5. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; рук. авт. кол. А. Г. Маньков. Л.: Наука, 1987.
6. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / Под ред. И. А. Боду-

эна де Куртенэ. СПб.; М.: изд. товарищества М. О. Вольф, 1903. Т. 1: А–З.

7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: Наука, 2016. Вып. 7: Зажать – Зельный.

8. The Oxford Handbook of Cities in World History / Ed. by P. Clark. United Kingdom: Oxford University Press, 2013.

9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

10. Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) // Изв. Том. ун-та. 1919. Кн. 68.

11. Новомбергский Н. Я. К внешней истории Соборного Уложения 1649 г. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 21.

Материал поступил в редколлегию 20.01.2018

K. G. Pereladov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

pravo@vestnik.nsu.ru

CROWNED LIGHT IN THE CODE 1649: NORMATIVE DESIGN OF THE COMPOSITION OF STATE CRIMES IN MOSCOW RUSSIA

The current article deals with the second Chapter of the Code Law 1649 (Ulozhenie). A distinctive feature is the analysis of this legal norm as multifaceted in the medieval understanding of the law concentrating the norms of state law and Canon law. In addition, attention is drawn to the importance of customary law for understanding the composition of state crimes of the population of Moscow Russia. Originality of legal technique of XVII century consisted in the differentiated approach to structures of state crimes (elite and mass). This was reflected in the compositional structure of this Chapter and was developed in the proceedings of Imperial Russia.

Keywords: medieval law, Code Law (Ulozhenie 1649), the composition of the state crimes, Moscow Russia.

References

1. Volchkova M. A., Morozov B. N., Eskin Yu. M. Stolbets-svitok Sobornogo ulozheniya 1649 g.: istoriya bytovaniya, restavratsiya i issledovaniye [Column-scroll of the Cathedral Code of 1649: history of existence, restoration and research]. *Domestic Archives*, 2013, no. 1, p. 44–54. (in Russ.)
2. Hellie R. Ulozhenie Commentary: Preamble and Chapters 1–2. *Russian History*, 1988, vol. 15, no. 2–4.

3. Hellie R. The impact of the southern and eastern frontiers of Muscovy on the «Ulozhenie» (Law Code) of 1649 compared with the impact of the western frontier. *Russian History*, 1992, vol. 19, no. 1/4, p. 75–95.
4. Feldbrugge F. A. History of Russian Law From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649. Netherlands, Brill., 2017.
5. Sobornoye ulozheniye 1649 goda: tekst, kommentarii [Cathedral Code of 1649: text, comments]. USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. Leningrad, Science, 1987. (in Russ.)
6. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Ed. prof. Baudouin de Courtenay. 3rd ed. St. Petersburg, 1903, vol. 1: A–Z. (in Russ.)
7. Slovar' obikhnodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [Dictionary of everyday Russian language of Moscow Russia XVI–XVII centuries]. St. Petersburg, Science, 2016, issue 7. (in Russ.)
8. The Oxford Handbook of Cities in World History. Ed. by P. Clark. United Kingdom: Oxford University Press, 2013.
9. Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Sotsial'naya history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. St. Petersburg, 2003. (in Russ.)
10. Novombergsky N. Ya. «Slovo i Delo» (ne okoncheno) [«The Word and the Case» (not finished)]. *Izvestia Tomskogo Universiteta*, 1919, Book 68. (in Russ.)
11. Novombergsky N. Ya. K vneshney istorii Sobornogo Ulozheniya 1649 g. [To the external history of the Cathedral Ordinance of 1649]. *Historical Notes*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1947, vol. 21. (in Russ.)

For citation:

Pereladov K. G. Crowned Light in the Code 1649: Normative Design of the Composition of State Crimes in Moscow Russia. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 12–17. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-12-17

Н. И. Красняков

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

n.krasnyakov@nsu.ru

ДИНАМИКА АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО АВТОНОМИЗМА МАЛОРОССИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СЕРЕДИНА XVII – СЕРЕДИНА XVIII ВЕКА)

Анализируются самобытные социально-политические условия и характер вхождения малороссийских территорий в состав Российской империи. Автором фиксируется, что эти обстоятельства четко не определяли пути и направления совместного государственно-правового бытия. Соответственно, историко-правовые оценки процесса современниками Переяславской рады находятся в диапазоне от принудительного вхождения, протектората до договорного характера отношений и зависят от общего понимания малороссийской истории. Высказывается суждение о закономерном организующем влиянии верховной власти в политическом пространстве единого государства. Административный строй Малороссии фиксировался актами российского монарха в контексте функционирующих местных учреждений во главе с гетманом на принципах выборности, традиционности, подданства, службы и верности. Делается вывод о том, что в указанный период начала административно-территориального автономизма сохраняются, за исключением сферы военного управления и финансов. Отмечается, что отсутствие систематизированного права принуждало администрацию руководствоваться сложившимися обычаями, и фактически юридическая практика все больше расширяла суверенное право монарха определять формы государственного единства на основе его взглядов и воли.

Ключевые слова: Россия, империя, государственность, регион, Малороссия, многоукладность, иерархическая структура.

Отражение подготовительного и начального этапов присоединения малороссийского региона к России в качестве меры вынужденного характера для населения этой территории и их положительное значение в смысле того, что они выражали сложившуюся обычно-правовую традицию волеизъявления казаков и представления их интересов выборным гетманом, позволяет не только идентифицировать процесс с политико-правовых позиций, но и представить его как выражение эволюции государственности отдельной социально-территориальной общности. При этом учтем, что патриархальность местного общества и, следовательно, несформированность и неустойчивость государственной политико-правовой

организации российское самодержавие использовало в своих геополитических интересах – увеличения внешнеполитического веса и стабильности в охране южных границ. Актуализирует обозначенную проблематику и то обстоятельство, что прецедентное законодательство верховной власти России исследуемого периода не содержит достаточных возможностей для его формально-юридического толкования, поскольку оно создано на основе широкого санкционирования совокупности местных обычаев и административного прецедента этой территории. В достаточной мере ясно, что оно инициировано гетманом и малороссиянами, и царь при этом обращает внимание на их службу Руси как на согласованное условие

Красняков Н. И. Динамика административно-территориального автономизма Малороссии в государственном управлении Российской империи (середина XVII – середина XVIII века) // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 1. С. 18–28.

объединения, однако есть смысл уточнить некоторые правовоположения в интерпретации этого законодательства.

Устроенная Польской республикой сословная организация малороссийского населения способствовала упорядочению в управлении и реестровыми казаками, и различными по правовому положению гражданскими людьми. Однако заметим, что такое устройство лишь на время сформировало равновесие интересов основных слоев местного социума и польской власти, и уже в последнее десятилетие XVI в. казаки восстают по причине чрезмерного налогообложения и притеснения в вероисповедании, особенно после провозглашения унии восточной с западной церковью в 1595–1596 гг. [1. С. 10]. Десятилетие 1638–1648 гг. – время магнатского террора – польские паны вообще называли периодом «золотого покоя» [2], поскольку в борьбе за казацкие земли Запорожской Сечи магнаты пренебрегали законами Речи Посполитой и добивались от короля подтвердительных грамот на захваченные ими владения.

В итоге неудач в борьбе с польской колонизацией гетман Богдан (Зиновий) Хмельницкий обратился к московскому правительству с просьбой принять Малороссию «под царскую руку», поскольку интересы широких слоев населения можно было осуществить при помощи России – государства, где сильная царская власть опиралась на среднее и мелкое дворянство, близкое по своей социальной природе к казацкой старшине и украинскому шляхетству [2]. Земский собор 1653 г. высказался за такое присоединение, что вызвало войну России с Польшей, результатом которой стало признание Малороссии частью российского государства¹. Законодательство исследуемого периода не дает достаточных возможностей для его формально-юридического толкования, поскольку содержит в себе широкое применение обычая, и, тем не менее, из текста следует, что инициатива исходила от гетмана и малороссиян, а русский царь обращает внимание на их службу Московской Руси как на заранее согласованное условие последующего объединительного процесса. Решение верховной власти носит общий, декларативный характер, подчеркивая торжественность

исторического момента, значимость народного волеизъявления. Стоит подчеркнуть, что с этого момента вольности запорожского войска новой властью были распространены на все остальное малороссийское население [3. С. 35]. Сложившиеся в итоге историко-политические условия, с одной стороны, использовались российским самодержавием в своих государственных интересах – для охраны южных границ, внешнеполитического веса; а с другой – вынуждали готовиться к очередному военному противостоянию с Польшей и Османской империей.

Обозначенное соглашение послов Хмельницкого с Москвой нашло отражение в акте верховной власти от 27 марта 1654 г. и в так называемых «статьях» Богдана Хмельницкого², которые закрепляли местные политико-правовые обычаи исходными положениями местного управления. Административный строй Малороссии определялся в существующих местных учреждениях во главе с гетманом, поручались они «нововыбранному Гетману на подданство и на верность веру Нам Великому Государю». Своего участия в выборах верховная власть не предусматривала, полностью признавая это право за административно самостоятельной территориальной организацией населения. Но не было сказано и о том, что за Украиной признается возможность смещать гетмана, который после царского утверждения становился гарантом переяславских соглашений и за их нарушение нес ответственность перед царем. Говорить о царской власти как о юридическом источнике власти гетмана эти формы права прямо не дают оснований, но фактически описаны отношения подчинения и зависимости новых подданных от российской власти. Уже в соглашении 1654 г. царь именовался «самодержцем всея Великия и Малыя России» [4. С. 52]. Потому обращение Переяславской рады и соглашение предлагается рассматривать как складывание «первой автономии в составе России» [5. С. 31], поскольку действующие органы управления строились на основе деления на «полки», которые одновременно были и военными, и территориальными единицами, а полковое начальство осуществляло суд и административную деятельность. Параллельно действовали сословное городское

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) – 1. Т. 1. № 104.

² Там же. № 119.

самоуправление с выборными должностями на основе магдебургского права и постепенно формирующееся из казацкой старшины дворянское самоуправление. Заметим, что почти полное отсутствие в это время систематизированного права принуждало руководствоваться сложившимися обычаями.

В дальнейшем «Трактат» Хмельницкого 1654 г. обеими сторонами постоянно объявлялся как основным актом для решения всех вопросов рассмотрения ситуации присоединения Малой России к Москве, так и источником для устранения возникающих правовых пробелов в отношениях между субъектами данного договора, а также выступал традицией в легитимации власти нового избранного гетмана Украины, причем формально утверждаемого царем-императором. Касаясь юридической природы этого «основного закона», стоит акцентировать внимание на том факте, что он имеет прецедентный характер – ранее у московских князей расширение подданства происходило через завоевание или внешнеполитическое дипломатическое давление, а это, в свою очередь, придавало документу исключительную юридическую силу. Отсутствие в государственно-правовой практике Российского централизованного государства, и тем более в Украине, осознания понятия «закон» создавало необычную ситуацию возвращения при решении важных вопросов, касающихся России и Украины, именно к данному эпохальному акту. Есть смысл обратить внимание и на то обстоятельство, что инициатива малороссийской элиты о присоединении к российскому государству не только создала обоснование требований сохранения своих прав и вольностей, но и предоставила России при условии их сохранения, уважения и обеспечения возможность продолжать реализацию идеи объединительного процесса.

Реализация переяславских объединительных соглашений предусматривала законодательное решение вопросов управления, действия местного права, религии. Кроме того, фактически сложилась ситуация, когда Москва не принимала участия во внутреннем управлении Малороссии, а лишь участвовала в выборах (без решающего голоса) гетмана и не тратила финансовые средства на содержание малороссийского войска, а Украина не несла налогового бремени в пользу Москвы. При этом территория Украины яв-

лялась и особой таможенной зоной вплоть до середины XVIII в., поскольку этот аспект отношений включался в рамки местных прав. Местное право приобретало главенствующее значение в управлении малороссийскими территориями, а значит, акты царской власти, если они касались и Украины, должны были иметь специальные указания. Путем таких оговорок и должна была происходить инкорпорация местного права в рамках объединительной тенденции. Добровольный характер вхождения, инициатива об этом представляющей общество элиты, договорный характер объединения обеспечивали условия самобытного проживания присоединенного народа на основе имеющейся правовой системы под управлением избранными им правителями и под верховной властью русского царя, но эти обстоятельства четко не определяли пути и направления совместного государственно-правового бытия, что утверждает в мысли о закономерном организующем влиянии верховной власти в политическом пространстве единого государства.

Историко-правовые оценки современниками значения Переяславской рады находятся в диапазоне от принудительного вхождения, протектората до договорного характера отношений [6. С. 289], зависят от общего понимания малороссийской истории, а значит, и от взгляда на сформировавшиеся в польский период Украины традиции самоуправления. Есть значительная доля взвешенности в оценках проблематики исследователями советского периода: «укрепило силы Русского государства, отодвинуло далеко на юго-запад его границы... ослабели позиции Польши», поскольку геополитический фактор детерминировал процесс империостроительства на всем его протяжении. О том, что обращения «принять под царскую руку» не были чем-то необычным для того времени, говорит факт, что уже в 1656 г. представители молдавского правительства обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой присоединить Молдавию и оказать ей помощь в освобождении от турецкого ига» (тогда этому помешала затянувшаяся война России с Польшей и враждебная позиция Турции) [7. С. 286].

Преемники Богдана Хмельницкого продолжали действовать в духе обозначенных норм и возобновляли «статьи» 1654 г., об-

ращаясь к Москве с уточняющими отдельные положения «перяславского договора» текстами, на наш взгляд, отражающими постепенное изменение управленческого воздействия верховной власти Москвы по отношению к Малороссии на фоне постепенного изменения сдерживающего геополитического значения этой территории и снижения значимости запорожского войска в охране стратегических рубежей российского государства. Например, в 1659 г.³ казакам предоставлялась защита со стороны русских властей от своих старшин: «где три человека Козаков, тогда два третьего должны судить»; назначенным царем чиновникам за сборщиками «смотреть, чтоб делали правду»; чтоб «имений казацких никто не отнимал». И «чтоб права духовные и мирские ни в чем нарушены не были», в частности, предписывалось Митрополиту Киевскому, также и иным духовным лицам Малой России быть под благословением Святейшего Патриарха Московского, но в права духовные святейший Патриарх вступать не должен. Согласно «статьям Батуринским»⁴ 1664 г. московское правительство продолжило расширение сферы защиты своих интересов и потребовало от малороссийских чинов провести перепись и отослать назад беглых крестьян из российских городов и уездов. В результате добросовестного следования обозначенным договоренностям в сентябре 1665 г. начался процесс кооперации общеимперского дворянства и руководителей местного управления «Актом пожалования Гетмана Брюховецкого, в бытность его в Москве, в Бояре, а Старшин в Дворяне, за отдачу собираемых в Малой России доходов и сборов в Государеву казну и за истребование в Малороссийские города Воевод и ратных Великороссийских людей»⁵. Постепенно царскими чиновниками ограничиваются предметы ведения гетманской власти в налоговом хозяйстве (основной функции государства, учитывая войны и экономическую разобщенность территорий), сосредотачиваясь в основном на вопросах управления войском, т. е. русские служащие все больше вовлекаются в сферу регулирования внутривнутриполитических дел Малороссии [8. С. 178]. Хотя в

нормативном акте не идет речь об изменении компетенции и мест в иерархии должностей малороссийского управления, тем не менее, в дальнейшем не только подтверждается постоянство их действия, но и углубляется определение полномочий⁶.

В «глуховских статьях» 1669 г.⁷ закреплялось положение, согласно которому без указа царя нельзя было проводить перевыборы гетмана, за исключением измены, а судить его следовало уже по указанию верховной власти по местному праву. Последующие изменения в региональной администрации тоже связаны с назначением высшего должностного лица территории. Так, актом 1672 г.⁸, в назидательном тоне описывающем гетманов-изменников, подтверждается, с одной стороны, преемственность договорным положениям 1654 г., а с другой – служение малороссийских подданных русскому царю и его наследникам, верховенство власти царя в Малороссии. Таким образом, анализ и оценка рассмотренных выше законодательных актов подтверждают гипотезу о том, что в начальный период объединительного процесса в лице гетмана было сконцентрировано политико-правовое положение Малороссии, малейшее его изменение влекло измены и смуты; эволюция статей избранных гетманов наглядно свидетельствует, что их договорная часть постепенно сужается за счет увеличения положений о первостепенной роли царской власти. Сохранение гетманом лояльности к российской верховной власти было условием сохранения полноты его полномочий и ограничений от вмешательства в местные дела. Подчеркнем, что основы административно-территориальной автономии сохраняются, за исключением сферы военного управления и финансов, а верховная власть признает самостоятельный характер управления в Малороссии как части единого российского государственного механизма.

При Петре I, реформирующем управление по западному, прагматичному типу средством придания устойчивости государственному единству, произошло очередное подтверждение прав и привилегий Малороссии рядом актов конца 1708 – начала 1709 г.: именной указ Почепским казакам

³ ПСЗРИ-1. Т. 1. № 262.

⁴ Там же. № 368.

⁵ Там же. № 375.

⁶ Там же. № 376.

⁷ Там же. № 447.

⁸ Там же. № 519.

«О продолжении им верной службы Российскому Государю и об освобождении их от налогов, вымысленных изменником Мазепой»⁹; на избрание нового Гетмана вместо изменника Мазепы с сохранением войску прежних порядков¹⁰; о прощении сбежавших с Мазепой и возвращении им имущества и чинов, в случае раскаяния перед царем¹¹; об избрании нового гетмана Ивана Скоропадского¹² и вредительских действиях Мазепы¹³. Пристальное внимание к гетманскому управлению, означавшее признание серьезности возникших в малороссийских делах проблем, привело к указанию не давать новому гетману отдельных «статей»¹⁴. Но уже в 1710 г. грамотой гетману Скоропадскому подтверждены прежние права казаков¹⁵, оставлены все существующие местные привилегии, и, значит, даже с изменой Мазепы в разгар военных действий царь продолжал гарантировать сохранение местных политико-правовых порядков. Следовательно, Петр I усилил процессы интеграции малороссийских территорий в состав России и начал более детально регламентировать положение гетмана и пределы его власти.

Указом от 10 декабря 1718 г. малороссийские полки были отнесены к отдельным губерниям, причем в военном отношении в ведомстве русского генерала, стоящего во главе Украинской дивизии, условия войны требовали централизации управления войском¹⁶. В дальнейшем, при Екатерине I, после переписи малороссийских полков по указу от 2 апреля 1726 г.¹⁷ войско казаков перешло в ведомство военной коллегии, тем не менее оно оставалось под непосредственным руководством украинского дивизионного генерала. Иначе говоря, после Северной войны при отсутствии реальной военной угрозы была окончательно установлена подчиненность объединенного воинского подразделения местного населения высшему военному руководству во главе с русским военачальником, но это еще не оз-

начает внедрения «русского элемента» в региональное управление в целом.

Нестабильность института гетманского управления в консолидации интересов населения все более проявляется после Северной войны. Так, в указе 1722 г. «Об ограждении Малороссии ото всяких обид и притеснений, по силе заключенного с Гетманом Хмельницким трактата»¹⁸ отмечаются факты взяточничества и мошенничества местных должностных лиц, несправедливого суда, незаконных и завышенных сборов с населения, подчеркивается необходимость гетману и генеральной старшине содержать управление по трактату Богдана Хмельницкого. Также упоминается об учреждении в «статьях» коронных должностей воевод и урядников в городах, чтобы в случае несправедливого суда по местным законам каждый житель мог «дело свое перенести к Воеводе». И, хотя уже по первой губернской реформе Украина была включена в общее административно-территориальное пространство частью Киевской губернии, тем не менее это новшество не коснулось автономности в управлении на прежних началах, но данным указом уже создаются первые территориальные органы общей компетенции. Как и обычно для того времени, предметы ведения и полномочия направленных туда бригадира Вельяминова и шестерых штаб-офицеров четко определены не были, лишь указано в извещении гетману на необходимость соблюдать нормы трактата 1654 г., так же как и в указе «О подведомственности Малороссии Сенату»¹⁹ не регламентированы управленческие связи малороссийских властных структур в механизме государства. Давалось пояснение киевскому губернатору не решать дела «до судов и правления Малороссийского» и указание уже Сенату о недопущении церковных раскольников в полки²⁰.

Созданная указом 1722 г.²¹ миссия получила статус коллегии с назначением «быть при гетмане для управления судов и прочего, что в просительных пунктах Гетмана Хмельницкого и в решительных на оное написано», с передачей ее в ведение Сената. В содержащейся здесь же инструкции бри-

⁹ ПСЗРИ-1. Т. 4. № 2209.

¹⁰ Там же. № 2210.

¹¹ Там же. № 2211.

¹² Там же. № 2213.

¹³ Там же. № 2224.

¹⁴ Там же. № 2235.

¹⁵ Там же. № 2243.

¹⁶ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3253.

¹⁷ Там же. Т. 7. № 4867.

¹⁸ Там же. Т. 6. № 3988.

¹⁹ Там же. № 3989.

²⁰ Там же. № 3990.

²¹ Там же. № 4010.

гадиру Вельяминову следовало обратить внимание на такие положения: во-первых, сужение автономии суда – «и на ратушские суды кто станет бить челом в неправых или продолжительных по делам решениях, и те дела брать вам в Коллегию, и рассматривая, решения чинить по правам и регламентам, самую истинною»; во-вторых, надзор за налогообложением – «сборы велеть собирать урядникам и войтам Малороссийского народа в казну... и за ними смотреть»; в-третьих, установление контроля за деятельностью местных органов управления – «ежели усмотрено будет, что генеральная старшина и полковники казаков и посполитых людей впредь отягощать станут работами и прочими трудностями, и хотя от них казаков и челобитья не будет, и оное с совета Господина Гетмана пристойным образом отвращать и посольству в том помогать по истине». Инструкция содержит указания на неудовлетворительное ведение в Малой России денежных дел, и потому предписывалось «сбирать по пунктам Богдана Хмельницкого в казну Его Императорского Величества, осведомиться подлинно, сколько их и кому с чего собирается... а что собрано будет принимать им у них в коллегию». И поскольку суд, налоги и исполнительно-распорядительное управление выступали основными функциями государства, а их исполнение по указу не было отнесено к специальным учреждениям, то данный шаг имел первостепенное значение для суждения о наращивании нормативно-управленческих мер в политике по ликвидации различий между Украиной и Москвой. Функционирующий же в допетровский период малороссийский приказ управлял лишь делами запорожского войска и городами: Киевом, Новобогородском, Нежином и Переяславлем. Исследователи отмечают, что при всеобщем однообразии губернского управления с 1708 г. управление Малороссией носит характер особенный, хотя и не делается даже попыток внести ясность во властные отношения России и Малороссии и сопоставить распределенность полномочий между органами власти, поскольку общеимперские подходы в данном случае неприменимы [9. С. 34].

В этом же направлении принят и указ 1723 г.²², которым император выразил волю

«объявить казакам и прочим служилым малороссиянам, что в Малороссийские полки, по их желанию, определяются в полковники из русских». Петр I специально оговаривал, что в случае притеснений со стороны этих воинских командиров местному населению нужно ему напрямую сообщать, и наказанием по воинским артикулам будет смертная казнь. Актом 1723 г.²³ в полки откомандированы специальные надзиратели за сбором налогов, а также введены новые сборы – с куф, казанов, пчелен и табачная десятина (в дальнейшем отменены указом Екатерины I от 3 июня 1726 г.²⁴, и восстановлена бюджетная автономия Украины). Стремление к реформированию малороссийского правления обнаруживается еще более со смертью гетмана Скоропадского в 1722 г., когда управление Малой Россией поручено черниговскому полковнику Полуботку. Царь, напоминая, что «всем известно, что от времени первого Гетмана Богдана Хмельницкого... все Гетманы являлись изменниками, и какое бедство терпело наше Государство от того»²⁵ и для избрания «зело верного и известного человека» необходимо время, то «в сем деле докучать не надлежит». Как видим, серией актов власть устанавливает новые начала в управлении малороссийской территорией, которые в основном касаются пока коронного присутствия, встраивания в иерархию центральных органов и оставления за собой права разработки и принятия дальнейших мер в объединительной политике.

Есть мнение, отражающее иной взгляд на перечисленные действия власти: «Петр I, отменяя гетманское управление, главной причиной этой реформы выставил злоупотребление старшин и не обратил никакого внимания на такие крупные пороки в государственной жизни Малороссии, как совмещение в одном лице судебных и административных функций и отсутствие в стране единого и строго кодифицированного права». В обоснование утверждения приводится интерпретация юридических источников, в частности, «несмотря на то, что по силе арт. 2 раздела 4-го Статута административная власть отделялась от судебной, малороссийская старшина одновременно занимала места военачальников, управляла

²³ Там же. № 4196.

²⁴ Там же. № 4902.

²⁵ Там же. № 4252.

²² ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4173.

полком, судила в полковых канцеляриях, заведовала денежными суммами и т. д., так что большего смещения воинского и гражданского, административного и судебного управления нельзя себе и представить» [10. С. 1]. По нашему мнению, стоит принять за основополагающую правовую позицию другое утверждение автора: «Что же касается до законов, которыми судились малороссияне прошлого века, то они являют собой не только большое разнообразие, но часто и такие противоречия, из которых трудно было выпутаться людям даже с большой юридической эрудицией и опытом — дело в том, что по силе арт. 54-го раздела 4-го нашего национального и основного кодекса, Литовского Статута, на случай его неполноты допускалось применение прав других христианских народов; этими дополняющими Статут правами были Магдебургское право, иначе называемое порядком, и Саксонское Зерцало, вошедшие к нам под иноземным влиянием...» [10. С. 2]. Думается, на основании такой идеологии уже Петр II в 20-м параграфе решительных пунктов дает указание создать комиссию для перевода местного права и создания свода права этой территории, поскольку «малороссийский народ судят разными правами». В какой редакции Статута право было использовано в новом Уложении для Украины неизвестно, да и не значимо, поскольку такой Свод в действие не был введен.

Преемники первого российского императора во многом отошли от его рационализаторских политико-правовых идей, касается это, в том числе, и малороссийского направления. Такое развитие общественно-политической ситуации связано с окончанием войны и наступившей внутригосударственной стабильностью, а также со снижением значимости губерний в государственном управлении как военно-административных и фискальных единиц и, в частности, необходимостью искать новые, дополнительные рычаги влияния на международной арене в условиях турецкого соседства Украины. Указами 1727 г. смягчалась политика петровской эпохи: от 12 мая ²⁶ — «доходы с них денежные и хлебные собирать», т. е. восстановить порядок, как при Хмельницком; «которые всякие доходы с определения Колле-

гии... те оставить вовсе (отменить. — *Н. К.*)»; предусматривались выборы гетмана — «к ним... Гетман и старшина будут определены впредь скоро». Жителям России запрещалось покупать земли в Малороссии, а у тех, кто приобрел их ранее, земли выкупались и возвращались в малороссийский фонд ²⁷. Произошло изменение подведомственности территории — ее дела вновь возвращались в ведение коллегии иностранных дел ²⁸, а также почти полное восстановление гетманства: «в Малороссии Гетману и Генеральной Старшине быть и содержать по трактату Гетмана Богдана Хмельницкого; и для выбора в Гетманы и в Старшину послать Нашего Тайного Советника Федора Наумова, которому и быть при нем Гетмане Министром» ²⁹.

Избранному гетману Даниилу Апостолу Петром II было дано «Пожалование» в виде пунктов (получили название «решительные», так как последовали после перерыва, была «решена» система отношений с Москвой. — *Н. К.*) на основе трактата Хмельницкого. Грамотой 1728 г. ³⁰ не столько подтверждались права и вольности Малой России, сколько подчеркивалась следующая идея: вследствие того, что «Магдебургские, да Саксонские статуты, из которых один другим не согласуют» и не дают пользу правосудию, то и не признается право территории самостоятельно вырабатывать правовые основы управления и суда, т. е. легальность публичных интересов определялась законодательством империи. С этого же времени распространилась практика широкой раздачи земель русским вельможам. Последние привозили с собой из центральных великорусских местностей своих крестьян, с которыми постепенно и уравнивалось малороссийское население [3. С. 38]. Другими словами, имеющиеся политико-правовые традиции края уступают место политической целесообразности в понимании верховной власти, а потому исконная форма договора окончательно трансформируется и приобретает формулу «пожалования царским титулом», однако местные источники, в преобладающей степени ис-

²⁶ ПСЗРИ-1. Т. 7. № 5073.

²⁷ Там же. № 5077.

²⁸ Там же. № 5098.

²⁹ Там же. № 5127.

³⁰ ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5324.

точники гражданского права, продолжили действовать.

Обозначенная проблема бедственного положения малороссийского народа и казаков, в частности, из-за разорения их поборами со стороны полковников и полковых старшин отмечается вновь в правление Анны Иоанновны, из-за чего генерал-майору князю К. Шаховскому в 1732 г.³¹ предписано рассмотреть состояние слободских полков и «позаботиться о приведении казаков в лучший порядок». Преследование цели стабильности в жизни малороссиян видно из указа 1734 г.³², предписывающего с казаков Донского войска не брать пошлин с «незаповедных товаров и припасов, которые они сами готовят в своих домах», ввиду их многолетней службы России, а также требуется не пропускать из «Великороссийских городов, кои граничат с их казацкими городками, неявленных и заповедных товаров», чтобы в процветании малороссийского населения «напрасных обид не было». Следовательно, в обеспечении торговли и ремесленного производства верховная власть стремилась применять меры поощрения местного хозяйства и самобытности территории. А в 1734 г.³³ под председательством К. Шаховского создана Канцелярия комиссии учреждения Слободских полков, ведавшая рассмотрением дел по улучшению устройства Малороссии и осуществлявшая надзор за полковыми канцеляриями с целью недопущения судебной волокиты, а при обнаружении таких фактов предоставляла челобитчикам решения их дел в Сенате или военной коллегии. В политической же сфере при Анне Иоанновне происходит дальнейшее следование петровскому началу, в частности, грамотой предписывалось до избрания Гетмана создать временное правление из шести персон³⁴, которое бы руководствовалось указами верховной власти и местным правом.

Отмечая привилегированное положение малороссийского народа по принадлежности им прав и обычаев местности, в 1742 г. императрица Елизавета установила наказание для тех, кто «холопит малороссиян»³⁵, потребовав таких правонарушителей нака-

зывать как явных преступников по гражданским законам и Воинским артикулам. Указом 1743 г.³⁶ напоминает, что таможенные и перевозы находятся в ведении старшин и казаков, потому им разрешено брать таможенную пошлину со всех приезжих купцов русских. Но этим же документом подчеркнуто, что «слободским полкам в ведении по военным делам и произведении в чины в военной коллегии, а судные и розыскные дела по прежнему в Белгороде у губернатора; однако ж все суды производить прежде в полковых канцеляриях со взятием пошлин», а канцелярию комиссии слободских полков упразднить. Позднее, в 1747 г., признавая углубляющиеся торговые и денежные связи между внутренними губерниями и малороссийским населением и вовлечение прежде обособленной территории в регулируемый государством экономический оборот и общероссийский рынок, императрица Елизавета начинает юридическое включение Украины и в российское таможенное пространство. Указом 1747 г. по существу пересмотрены таможенные отношения центра и самобытной окраины, уточнено место взимания пошлин: «на границе Государственной, а не в тех местах, где разграничило Великороссию с Малороссией», при этом поясняется неудобство иметь несколько таможенных границ. Другими словами, отменены внутренние пошлины и соответственно местные малороссийские сборы, введен единый таможенный налог как еще одно средство влияния на пока еще в целом сохраняющееся автономное внутреннее административное управление в Украине.

Поскольку дальше по пути внедрения новаций верховная власть не шла, то продолжали господствовать взгляды на особую организацию управления в территории. В 1747 г.³⁷ Елизавета определила «ныне в Малороссии гетману быть, и оного во всем на таком основании учредить, как бывший тамо наперед сего Гетман Скоропадский учрежден был». Обращается внимание на то, как точно подчеркивается суверенность монаршей власти и связывается с выражением воли местного населения: «...били челом нам... в Малороссии Гетману, по прежним правам и обыкновениям быть... Сенату,

³¹ ПСЗРИ-1. Т. 8. № 6288.

³² ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6530.

³³ Там же. № 6619.

³⁴ Там же. № 6539.

³⁵ ПСЗРИ-1. Т. 11. № 8578.

³⁶ Там же. № 8823.

³⁷ ПСЗРИ-1. Т. 12. № 9400.

будучи в оном все тамошние малороссийские дела ведомы... потребные распоряжения учинить». В управленческо-нормативном отношении по решению Елизаветы I с 1756 г. малороссийские дела перенесены были из коллегии иностранных дел в Сенат с образованием в нем соответствующей особой экспедиции, что включало край в систему общегосударственных структур управления на уровне остальных территорий империи. Обоснованием императрицы стала ссылка на Гетмана графа Разумовского: «сверх сего наше высочайшее соизволение есть, чтоб оной малороссийский гетман граф Разумовский, по примеру прежних гетманов ведом был по его малороссийским делам в таком правительстве, которое главным всего нашего государства почитается»³⁸.

Таким образом, поскольку сохранение прежних начал, с одной стороны, и поэтапное вовлечение местных органов Малороссии в практику административного управления из центра, с другой, постепенно снижало значимость системы малороссийских выборных органов и не вносило порядка, четко урегулированы круг решаемых вопросов и полномочия по ним, межвластные связи в самых значимых сферах – военная служба, торговля и таможня, суд. В анализируемый период отношений «центр – малороссийский автономизм» верховной властью явно учтены и объективированы историко-политические процессы, характеризующиеся не преобладанием преемственных норм права, а сохранением политико-правовых обычаев в управлении, которые складываются до преобразований Екатерины II ситуационно внутри системы правительственной власти по отношению ко всем окраинным территориям XVIII в. Возможность принятия прямо противоположных решений верховной власти по выборам гетмана, олицетворявшего региональную самостоятельность Малороссии, соответствовала настроениям «эпохи дворцовых переворотов». Думается, они уже не являлись прецедентами по смыслу, а потому никаких особых правовых последствий не влекли, но создавали иллюзию сохранения «прав и вольностей стародавних народа Малороссийского». Подобная юридическая практика все

больше утверждала суверенное право монарха определять формы государственного единства на основе его взглядов и воли. Отсюда и нелегитимные меры-способы воздействия на публичную власть, систему налогов и сборов, традиции местного права Украины, существенно снижавшие потенциал развития-оформления имеющейся политико-правовой системы этого края.

В итоге к заключительным суждениям как результату проведенного исследования можно отнести следующие. Административный строй Малороссии в своем развитии фиксировался актами российского монарха в границах существующих местных учреждений во главе с гетманом, а правовой статус правителя определялся категориями верховной власти России: выборности, традиционности, подданства, службы и верности. В начале присоединения царская власть не обозначается юридическим источником власти гетмана, однако терминология фактически описывает отношения подчинения и зависимости новых подданных от российской власти. Сохраняющиеся прежние органы управления и деления на «полки» одновременно идентифицировали и военные, и территориальные единицы, соответственно полковое начальство осуществляло суд и административную деятельность. Продолжили действовать сословное городское самоуправление с выборными должностями по магдебургскому праву и формирующееся из казацкой старшины дворянское самоуправление, при этом отсутствие систематизированного права принуждало администрацию руководствоваться сложившимися обычаями.

В дальнейшем, в XVIII в., при смене, измене гетманов или временном их отсутствии подтверждались прежние основы отношений малороссийской территории с царем, при этом постепенно царскими чиновниками ограничиваются предметы ведения гетманской власти в налоговом хозяйстве, управлении войском, и русские служащие все больше вовлекаются в сферу регулирования сферы публичных дел Малороссии. Наконец решено, что без указа царя нельзя проводить перевыборы гетмана, за исключением измены, а судить его требовалось по указанию верховной власти по местному праву. Начала административно-территориального автономизма сохраняются, за исключением сферы военного управления и

³⁸ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 37. Ед. хр. 30. Л. 3.

финансов, верховная власть признает самостоятельный характер внутренней административной системы, но как части единого государственного механизма.

Губернскими реформами Петра I Украина была включена в общее административно-территориальное пространство как часть Киевской губернии, при этом сохранились прежние принципы в управлении. После победы в Северной войне в 1722 г. здесь создаются первые территориальные органы общей компетенции, установлена подведомственность местного правления в статусе малороссийской коллегии Сенату. Фактически в рамках ситуационного управления юридическая практика все больше расширяла суверенное право монарха определять формы государственного единства относительно различных территорий на основе его взглядов и воли.

Список литературы

1. Срезневский И. Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины. Харьков, 1839. 93 с.
2. История Украинской ССР: В 10 т. Киев, 1982. Т. 2. 202 с.

3. Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1903. Т. 7: Малороссия. 518 с.

4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. 344 с.

5. Государственный механизм России: история и современность: Монография. СПб., 1999. 112 с.

6. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. 564 с.

7. История Украинской ССР: В 2 т. Киев, 1956. Т. 1. 836 с.

8. Софроненко К. А. Малороссийский приказ русского государства второй половины XVII – начала XVIII в. М., 1960. 178 с.

9. Вицын А. Краткий очерк управления России от Петра Великого до издания общего учреждения министерств. Казань, 1855. 299 с.

10. Теличенко И. Очерк кодификации малороссийского права до введения Свода законов. Киев, 1888. 100 с.

Материал поступил в редколлегию 15.02.2018

N. I. Krasnyakov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

n.krasnyakov@nsu.ru

DYNAMICS OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL AUTONOMISM OF MALORUSSIA IN THE PUBLIC ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE (FROM MID-XVII TO MID-XVIII CENTURIES)

Analyses the distinctive social and political conditions and character of occurrence of the little Russian territories into the Russian Empire. The author recorded that these circumstances are not clearly defined paths and areas of joint public-legal existence. Accordingly, the historical-legal evaluation process by contemporaries Pereyaslav range from forced entry, the protectorate to the contractual nature of the relationship and depend on a common understanding of the little Russian history. Hence it is alleged the judgment of the natural organizing effect of the Supreme power in the political space of a single state. Administrative system of Ukraine recorded acts of the Russian monarch in the context of the functioning of local institutions, headed by Hetman on the principles of selectivity, tradition, citizenship, service, and loyalty. It is concluded that in the period of the beginning of the administrative-territorial autonomism remain, with few exceptions the sphere of military administration and Finance. It is noted that the lack of a systematic law forced the administration to be guided by practice and actually a legal practice are increasingly the sovereign right of the monarch to determine the form of the state unity on the basis of his views and will.

Keywords: Russia, empire, statehood, region, Malorussia, hierarchical structure, multistructuralism.

References

1. Sreznevsky I. Istoricheskoe obozrenie grazhdanskogo ustroeniya Slobodskoj Ukrainy [Historical overview of civil dispensation of Sloboda Ukraine]. Kharkov, 1839, 93 p. (in Russ.)
2. Istoriya Ukrainskoj SSR [History of Ukrainian SSR]. In 10 vols. Kiev, 1982, vol. 2, 202 p. (in Russ.)
3. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva [Russia. Full geographic description of our Fatherland]. Ed. by V. P. Semenov-Tyan-Shanskiy. St. Petersburg, 1903, vol. 7: Malorussia, 518 p. (in Russ.)
4. Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie, istoriya, raspad [Russia is a multinational Empire. Appearance, history, collapse]. Moscow, 2000, 344 p. (in Russ.)
5. Gosudarstvennyj mekhanizm Rossii: istoriya i sovremennost' [The state mechanism in Russia: history and modernity]. Monograph. St. Petersburg, 1999, 112 p. (in Russ.)
6. Nolde B. E. Oчерki russkogo gosudarstvennogo prava [Essays in Russian state law]. St. Petersburg, 1911, 564 p. (in Russ.)
7. Istoriya Ukrainskoj SSR [History of Ukrainian SSR]. In 2 vols. Kiev, 1956, vol. 1, 836 p. (in Russ.)
8. Sophronenko K. A. Malorossijskij prikaz russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v. [Little Russian order of the Russian state in the second half of XVII – beginning of XVIII centuries]. Moscow, 1960, 178 p. (in Russ.)
9. Vitsyn A. Kratkij oчерk upravleniya Rossii ot Petra Velikogo do izdaniya obshchego uchrezhdeniya ministerstv [Brief outline of the control of Russia from Peter the Great to the publication of the General establishment of the ministries]. Kazan, 1855, 299 p. (in Russ.)
10. Telichenko I. Oчерk kodifikacii malorossijskogo prava do vvedeniya Svoda zakonov [Outline of the codification of the Ruthenian law prior to the introduction of the laws]. Kiev, 1888, 100 p. (in Russ.)

For citation:

Krasnyakov N. I. Dynamics of the Administrative-Territorial Autonomism of Malorussia in the Public Administration of the Russian Empire (From mid-XVII to mid-XVIII Centuries). *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 18–28. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-18-28

И. Б. Данилов

*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия*

0615222@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ В СИБИРИ В ПЕРИОД НЭПА:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Рассматривается процесс учреждения системы местных бюджетов в Сибири в период НЭПа. Анализируются основные проблемы, препятствующие формированию полноценных финансов на местах, устанавливается, что одной из главенствующих проблем являлась особая идеологическая позиция местных финансовых работников. Делается вывод о том, что, находясь в значительной удаленности от центра страны, они не имели возможности правильно интерпретировать основные идеи НЭПа, рассматривая данную политику как «отступление» от основного курса. В силу этого сама идея местных бюджетов воспринималась ими как чуждая, что предопределяло значительное запаздывание в деле их формирования в регионе. Формулируется предположение о том, что решением представленной проблемы могла бы явиться оперативная деятельность НКФ РСФСР по толкованию ключевых нормативно-правовых актов, устанавливающих основы системы местных бюджетов, а также активная разъяснительная работа с местными органами власти. Обозначенная проблема представляется одной из наиболее значимых для историко-правовых исследований местных финансов РСФСР в период НЭПа.

Ключевые слова: местные бюджеты, губернские бюджеты, местные финансы, местное самоуправление, НЭП, децентрализация, Сибирь.

Начало новой экономической политики (НЭП) характеризовалось значительным количеством преобразований в отдельных сферах государственно-правового устройства. Одной из наиболее динамично изменяющихся отраслей являлась, по понятным причинам, экономика. Проведение нового политического курса требовало незамедлительного реформирования устойчивых, но не отвечающих запросам современности финансовых институтов и переустройства их в соответствии со вновь провозглашенными принципами. Одним из таких принципов, пронизывающих всю новую экономическую политику, стал принцип децентрализации. Являясь по своей сути политическим, он быстро нашел свое выражение и в экономи-

ческой сфере, проявившись в актуальной необходимости формирования государственной бюджетной системы на новых началах – финансовой самостоятельности, автономии и обособленности бюджетов разных уровней. Период НЭПа называют периодом восстановления системы местных бюджетов. Эта потребность была объективно определена временем и характеризовалась высокой значимостью для реализации нового политического и экономического курса.

Исследование процесса формирования системы местных финансов в рамках всего СССР представляет значительные сложности в связи с крайней неоднородностью территории. Данные процессы развивались с существенными отличиями от региона к ре-

гиону. Отличались и скорость формирования реальных бюджетов на местах, и сопутствующая ей политико-экономическая конъюнктура. В этой связи рациональным представляется исследование процесса учреждения системы местных финансов в рамках отдельных регионов государства. Географические особенности, климатические условия, национальные и этнические факторы, самобытность исторического опыта – все это обуславливало существенное своеобразие каждого конкретного региона. Значительный интерес в этом аспекте представляет Сибирь, представленная шестью губерниями до 1925 г., а после административно-территориальной реформы оформившаяся в единый Сибирский край. Анализ процесса становления системы местных бюджетов в Сибири, основанный на подробном исследовании его нормативно-правовых и организационных аспектов, представляет особую ценность в силу значительных отличий данного региона в сравнении с другими областями СССР. Большая территория, значительнейшие различия в финансово-хозяйственном потенциале входящих в состав административно-территориальных единиц, высокая степень централизации власти и в то же время инертность местных управленческих структур создавали непреодолимые сложности для формирования нового финансового института. Сибирь после учреждения советской власти приобрела региональную обособленность и организационную самостоятельность. Вся полнота власти была сосредоточена в высшем Сибирском органе управления – Сибревкоме, впоследствии преобразованном в Сибкрайисполком с сохранением преемственности функций и задач. Данный орган являлся главным правоприменителем в Сибири, своими непосредственными действиями реализуя концепцию организации системы местных финансов в период НЭПа.

Необыкновенно продолжительный по времени процесс подготовки, создания, становления и развития местных бюджетов, осложненный различными экономическими и административными проблемами, позволяет детально рассмотреть и проанализировать весь ход генезиса института местных бюджетов РСФСР в период НЭПа.

Нормативно-правовые основы новой бюджетной системы были заложены такими нормативно-правовыми актами, как Декрет

СНК от 22 августа 1921 г. «О местных денежных средствах»¹, в котором закреплялся территориальный принцип формирования местных доходов и указывались их источники, Декрет ВЦИК от 10 октября 1921 г. «О мерах упорядочения финансового хозяйства»², отменяющий объединение общегосударственного и местных бюджетов, и, наконец, Декреты ВЦИК и СНК от 9 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах»³ и от 10 декабря 1921 г. «О местных бюджетах»⁴, которые содержали несколько принципиальных положений. Вводилось само понятие местного бюджета, раскрывалось его содержание, перечислялись виды местных бюджетов (областные, губернские, уездные, городские, волостные) и назывался срок перехода к местным бюджетам – 1922 г.

Указанная дата не стала отправной точкой составления и исполнения местных бюджетных смет в Сибири. Несмотря на значительный финансово-хозяйственный потенциал, процесс формирования местных бюджетов в регионе происходил необычайно тяжело и занял длительное время.

Глубинная причина данной проблемы была заложена уже в самой модели организации местной власти Сибирского региона. Управление огромной территорией осуществлялось из единого сибирского центра, что неминуемо создавало сложности в реализации принимаемых решений. Большой территориальный охват управленческой деятельности возможен лишь при наличии развитой системы исполнительных органов, действующих в четком соответствии с политикой центра. Местное самоуправление, таким образом, оказывается в несколько ограниченном положении. Данное обстоятельство неминуемо создавало предпосылки для централизации государственной власти. Необходимость проведения единой политики на значительной по размеру территории стала причиной образования строго иерархичной вертикали государственной власти, которой были во многом чужды принципы децентрализации и финансовой автономии входящих в ее состав субъектов. Эти явления отчетливо проявлялись и в финансовой сфере.

¹ СУ РСФСР. 1921. № 62. Ст. 446.

² Собр. Узак. 1921. № 69. Ст. 550.

³ СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 693.

⁴ Там же. Ст. 69.

Вопрос о введении местных бюджетов специально обсуждался на заседании Сибирского экономического совещания 19–20 сентября 1922 г., куда были приглашены председатели губернских исполнительных комитетов, заведующие продовольственными и финансовыми ведомствами. В ходе совещания и после его закрытия его участники пытались уяснить для себя новое понятие местного бюджета, высказывали различные соображения и идеи по этому поводу, впоследствии публиковали в периодической печати обширные статьи. Основополагающее значение для формирования экономической мысли данного периода и разработки единого подхода к пониманию сути нового явления имела точка зрения председателя Сибревкома, известного и влиятельного политического деятеля М. М. Лашевича, согласно которой «при советской системе единой государственной власти недопустимо противопоставление местного бюджета государственному, как это имело место при земском и городском самоуправлении. Бюджет в основе един и необходимым является только... отчетливое определение статей доходов и расходов, принимаемых на себя центром и передаваемых на места» [1. С. 3]. Как видно, новый вектор государственной финансовой политики, основанный на идее самостоятельности и обособленности местных бюджетов, не нашел понимания у сотрудников государственных учреждений Сибири. Причина этого все также кроется в образе общественно-политического мышления государственных деятелей Сибири того периода, основанного на восприятии модели единого сильного центра и производных от него несамостоятельных местных публичных образований.

Идеологическая составляющая в целом имела очень большую значимость при осуществлении реформ государственного аппарата в СССР, поскольку зачастую искажала представления непосредственных исполнителей об идеях и целях преобразований, проводимых разработчиками. Как отмечает Д. О. Чураков, «многие руководители и рядовые члены партии понимали ленинскую характеристику нэпа как отступления буквально, и всемерно стремились не допустить, чтобы это отступление зашло слишком далеко» [2]. Характеризуя общую политико-идеологическую обстановку, С. Г. Кара-Мурза указывает: «Правовая система в своей

особой части начинает поворот от борьбы с классовым врагом к борьбе против оппозиции внутри самой советской системы» [3. С. 463]. Это, безусловно, создавало предпосылки для конкуренции взглядов и трактовок на существо проводимых реформ среди представителей государственной власти на местах. Реальное создание местных бюджетов в регионе по этой причине было под вопросом.

1921–1923 гг. для многих регионов СССР стал периодом восстановления местных бюджетов. Для Сибири же он является периодом разработки концепций и научно-практических подходов. Поддерживая в целом мнение М. М. Лашевича, многие советские деятели, представители научной общественности, все же были склонны рассматривать местные бюджеты как достаточно независимые от государства. Поэтому, обращаясь к конкретным вопросам местных бюджетов, а именно к источникам их наполнения, определению органа, выполняющего функции по аккумулярованию и эффективному использованию полученных средств, они апеллировали к опыту дореволюционного самоуправления и западных муниципалитетов. В частности, предлагалось широко использовать банковские кредиты, пособия из центра, т. е. те источники финансирования, которые составляли в дореволюционных городских Думах Сибири и земствах 1918–1919 гг. до $\frac{1}{3}$ бюджетов [1. С. 49–52, 156–158].

Активно обсуждалась также идея создания коммунальных банков. Для развития финансового потенциала регионов и обеспечения условий развития местных бюджетов предлагалось создать особые банки, осуществляющие долгосрочное кредитование местного хозяйства под залог местного же имущества. Эта идея представляла собой одну из концепций модели государственного субсидирования и, определенно, несла в себе заметный потенциал. Коммунальные банки впоследствии были созданы в ряде регионов СССР, а значительно позднее, в 1926 г., объединены и преобразованы в Центральный Коммунальный Банк [2. С. 166]. Для зарождения системы местных финансов Сибири, однако, такие образования не были характерны.

Наиболее рациональное и практически осуществимое предложение было закреплено в резолюции Сибирского экономического

совещания 19–20 сентября 1922 г.: оставлять в Сибири 10 % собираемого сельхозналога, которые направлялись бы в специальный фонд для финансирования местных бюджетов. Распорядителем данного особого фонда утверждался Сибревком [1. С. 62]. Таким образом, несмотря на отсутствие конкретно определенного подхода к способам формирования местных бюджетов и наличие сомнений в целом относительно целесообразности данной деятельности, было все же сделано важное – обеспечено финансирование данного государственного проекта.

На основе рекомендаций, выработанных Сибирским экономическим совещанием, большинство губерний Сибири все же пытались построить свой бюджет уже с конца 1922 г. Однако даже в 1923 г. реальное составление, а тем более выполнение бюджетов было весьма проблематичным. Губернии не могли определиться, в ценах какого месяца планировать доходы и расходы, что использовать в качестве денежной единицы исчисления, весьма приблизительно представляли требуемый для удовлетворения местных нужд объем средств и возможные источники их получения. По данным, которыми располагало Сибирское финансовое управление, дефицит губернских бюджетов края был определен в 37 %, реальный же дефицит превысил эту цифру [4].

Причины этого, как видно, кроются не в слабости финансово-хозяйственного потенциала Сибири рассматриваемого периода, а в самой системе организации управления и сформированной на ее основе соответствующей модели политического мышления. Концепция местных бюджетов была в принципе чуждой для региона, что предопределило сложности ее реализации и интеграции в экономическую политику будущего Сибирского края. Представляется, что содействовать преодолению указанной проблемы могли бы соответствующие разъяснительные акты НКФ РСФСР, содержащие результаты легального толкования содержания Декретов ВЦИК и СНК «О местных бюджетах» и «О местных денежных средствах». Перечень толкуемых норм мог бы быть составлен на основе анализа правоприменительной деятельности в регионах по учреждению системы местных финансов. Аккумуляция опыта, системный анализ возникающих проблем, в том числе и идео-

логического характера, а также оперативное реагирование указанного органа могли бы послужить основой для подготовки документов, в значительной степени лишающей регионы свободы в трактовке основных юридических понятий, и восприятия необходимости проведения экономических реформ через призму недопустимости «отступления» от руководящих идей коммунистической партии. Представляется, что это могло бы значительно сократить период, потребовавшийся для формирования первых полноценных местных бюджетов Сибири, ликвидировав значительное запаздывание региона по сравнению с другими частями страны.

Исследование региональных особенностей процесса становления местных финансов в Сибири позволяет сформулировать общий вывод о проблемах реализации НЭПа в начале 1920-х гг. Выявление причин неэффективности нового курса, очевидно, не должно ограничиваться анализом нормативно-правовой, организационно-регламентирующей и политической составляющей. Особое значение в данных процессах имел идеологический фактор, определяющий отношение на местах к экономическим преобразованиям. Невосприятие новых идей, положенных в основу НЭПа, значительно тормозило практическую реализацию принципов финансовой децентрализации, что, в конечном счете, привело к невозможности формирования автономных самостоятельных бюджетов на местах и частично предопределило результаты НЭПа в целом.

Список литературы

1. Жизнь Сибири. 1922. № 2. 185 с.
2. Чураков Д. О. Курс на «Оживление советов» // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/40843.php> (дата обращения 23.11.2017).
3. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо-Пресс, 2004. Т. 1. 640 с.
4. Яцук Т. Ф. Местные бюджеты Сибири в 1921–1926 гг. // Исторический ежегодник. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. С. 85–94.

I. B. Danilov

*Siberian Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

0615222@mail.ru

**PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE SYSTEM
OF LOCAL BUDGETS OF SIBERIA IN THE PERIOD OF NEP:
LEGAL AND ORGANIZATIONAL-IDEOLOGICAL ASPECTS**

The article deals with the process of establishing a system of local budgets in Siberia during the NEP period. The main problems that prevent the formation of full-fledged local finance are analyzed, it is established that one of the main problems was the special ideological position of local financial workers. The conclusion is drawn that, being far from the center of the country, they did not have the opportunity to correctly interpret the main ideas of the NEP, considering this policy as a "retreat" from the main course. In view of this, the very idea of local budgets was perceived by them as alien, which predetermined a significant delay in the formation of them in the region. An assumption is made that the solution of the presented problem could be the operational activity of the NKF RSFSR to publish acts of interpretation of key normative legal acts that establish the foundations of the local budgets system, as well as active explanatory work with local authorities. The indicated problem seems to be one of the most significant for the historical and legal studies of local finance of the RSFSR in the NEP period.

Keywords: local budgets, provincial budgets, local finance, local government, NEP, decentralization, Siberia.

References

1. Zhizn' Sibiri [The life of Siberia]. 1922. № 2. 185 p. (in Russ.)
2. Churakov D. O. Kurs na «Ozhivleniye sovetov» [A course on «Revitalizing Councils»]. *Educational portal «Word»*. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/40843.php> (date of circulation 11.23.2017). (in Russ.)
3. Kara-Murza S. G. Sovetskaya tsivilizatsiya. [Soviet civilization]. Moscow, Eksmo-Press, 2004, vol. 1, 640 p. (in Russ.)
4. Yashchuk T. F. Mestnyye byudzhety Sibiri v 1921–1926 gg [Local budgets of Siberia in 1921–1926]. *Historical Yearbook*. Omsk, house Omsk State Uni. Press, 1999, p. 85–94. (in Russ.)

For citation:

Danilov I. B. Problems of the Formation of the System of Local Budgets of Siberia in the Period of NEP: Legal and Organizational-Ideological Aspects. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 29–33. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-29-33

УДК 347.132

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-1-34-39

К. С. Пологутина, Т. В. Шепель

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

pks200995@gmail.com, tomaser@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИЗНАНИЯ РЕШЕНИЯ СОБРАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Рассматриваются правовые последствия недействительности решений собраний различных гражданско-правовых сообществ, производится анализ судебной практики. Обосновано, что недействительность решения собрания не влечет автоматического признания недействительными всех действий, совершенных на его основе. Признано необходимым при определении действительности последующих юридических фактов руководствоваться принципами публичной достоверности государственных реестров, а также принципами добросовестности и стабильности гражданского оборота. На основе изучения судебной практики установлено, что последствия недействительности решения собрания могут иметь силу для третьих лиц только с момента, когда они узнали или должны были узнать о недействительности решения. Представляется, что таким моментом может служить вступление в силу решения суда о признании соответствующего решения собрания недействительным.

Ключевые слова: юридический факт, решение собрания, недействительность, юридический состав, недействительность сделки, добросовестность, публичная достоверность.

В ходе масштабного реформирования гражданского законодательства Гражданский кодекс Российской Федерации был дополнен таким основанием возникновения гражданских прав и обязанностей, как «решения собраний». Был введен и новый способ защиты гражданских прав – признание недействительным решения собрания. Названные нововведения призваны способствовать повышению стабильности гражданского оборота и систематизировать правовое регулирование. Однако ряд вопросов не нашел легального закрепления, и главный из них – правовые последствия признания решения собрания недействительным. В связи с этим в правоприменительной практике возникают противоречия, связанные с применением данного способа защиты гражданских прав.

Верховный суд в постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 указал, что ничтожное решение собрания, а равно оспоримое решение собрания, признанное судом недействительным, недействительны с момента их принятия¹. Между тем, определив момент, с которого решение собрания признается недействительным, остаются вопросы о том, какие правовые последствия наступают после признания решения собрания недействительным и с какого момента они вступают в силу.

Несмотря на то что для правового регулирования решений собраний используется значительное число юридических конструкций, аналогичных режиму регулирования сделок, законодатель не определяет общие правовые последствия недействительности

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. № 140.

решений собраний, как это предусмотрено ст. 167 Гражданского кодекса РФ применительно к сделкам. При этом правила недействительности сделок неприменимы к решениям собраний в силу особенностей, присущих данному виду юридических фактов.

Так как решение собрания часто входит в юридический состав, при признании соответствующего решения недействительным требуется решить вопрос о порочности всего состава. Таким образом, ставится под сомнение действительность всех действий, совершенных на его основании.

В специальных законах освещаются некоторые правила, связанные с последствиями признания недействительными решений органов управления общества. Например, признание решений общего собрания акционеров о согласии на совершение или о последующем одобрении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, недействительными в случае обжалования таких решений отдельно от сделок общества не влечет за собой признания этих сделок недействительными²; признание решения совета директоров о созыве общего собрания участников общества недействительным не влечет за собой недействительности решения этого собрания, проведенного на основании решения о его созыве, признанного недействительным³.

В мае 2013 г. такой подход был закреплен в ГК РФ. Появилась ст. 173.1, согласно которой по общему правилу оспоримая сделка, совершенная без необходимого в силу закона согласия органа юридического лица, может быть признана недействительной, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки такого согласия⁴.

Аналогичный подход был закреплен и Пленумом ВС РФ, который разъяснил, что по общему правилу в случае признания недействительным решения собрания об избрании единоличного исполнительного органа юридического лица сделка, совершенная таким органом с контрагентом, который добросовестно полагался на сведения о полномочиях указанного органа, содержащиеся в ЕГРЮЛ, создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности для юридического лица с момента ее совершения. Иное возможно только тогда, когда соответствующие данные не были включены в реестр помимо воли юридического лица, в частности в результате неправомерных действий третьих лиц⁵. Таким образом, сделки, совершенные неуполномоченным директором, сведения о котором содержатся в ЕГРЮЛ, не являются априори недействительными. В основу данного подхода положен принцип публичной достоверности, получивший прямое законодательное закрепление в ст. 8.1, 51 ГК РФ.

В доктрине по этому поводу отмечается, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, значит, предполагается и то, что от имени общества выступает легитимный орган управления, который образован легитимным общим собранием. Лишь после того как решение суда о признании недействительным решения собрания вступит в силу, орган управления будет считаться не имеющим полномочий действовать от имени общества. Соответственно такой подход обеспечивает интересы контрагентов, которые исходят из того, что договор с ними заключает уполномоченное лицо. Обратное же приведет к неопределенности и в самом обществе, и в отношениях с контрагентами и, в конечном счете, сведет презумпцию добросовестности на нет [1. С. 22].

Идентичный подход содержится в ряде новелл ГК РФ. Так, Федеральным законом № 99 в ГК РФ введена ст. 60.1, регулирующая последствия признания недействитель-

² См.: п. 9 ст. 49 Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ: в ред. на 03.07.2016 // Российская газета. 1995. № 248; п. 5 ст. 43 Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ: в ред. на 28.12.2016 // Российская газета. 1998. № 30.

³ См.: п. 5 ст. 43. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ: в ред. на 28.12.2016 // Российская газета. 1998. № 30.

⁴ О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федераль-

ный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. № 100 // Российская газета. 2013. № 99.

⁵ См.: п. 119. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. № 140.

ным решения о реорганизации юридического лица. В соответствии с ней признание судом данного решения недействительным не является основанием для ликвидации юридического лица, которое образовалось в результате проведенной реорганизации, а также не влечет признания недействительными сделок, совершенных таким юридическим лицом⁶.

Таким образом, следует согласиться с О. М. Родионовой, которая говорит о том, что решение собрания в силу объективной выраженности имеет некоторую самостоятельность, т. е. полностью не объединено с последующими юридическими действиями и может быть от них отделено. Следовательно, в каждом случае необходимо подтверждение их взаимной связи. Стало быть, недействительное решение не может приводить к «автоматическому» дискредитированию действий, элементом которых оно является [2. С. 83].

Анализ судебной практики позволяет выделить наиболее частые правовые последствия, которые могут возникнуть вследствие признания недействительным решения собрания участников гражданско-правового сообщества:

1. Признание недействительными действий и решений органов управления общества.

В судебной практике не сложилось единства по данному вопросу. В соответствии с первой позицией судов, например, признание недействительным решения общего собрания акционеров об избрании совета директоров служит основанием для признания недействительными решений данного органа. При рассмотрении соответствующих споров суды исходят из того, что признание решения недействительным влечет нелегитимность состава органа управления. Следовательно, все принятые им решения не имеют юридической силы и нарушают права и законные интересы акционеров⁷.

⁶ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ и о признании утратившим силу отдельных положений законодательных актов РФ: федеральный закон от 5 мая 2014 № 99-ФЗ // Российская газета. 2014. № 101.

⁷ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.01.2016 № Ф03-5314/2015 по делу № А59-3736/2014; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.06.2015 № Ф03-2315/2015 по делу № А73-1537/2014; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от

Большинство вопросов возникает при признании недействительным решения о назначении единоличного исполнительного органа юридического лица. Суды указывают, что формальная легитимность сделки (наличие записи в ЕГРЮЛ в отношении единоличного исполнительного органа, совершающего сделку) не означает ее действительность в тех случаях, когда в последующем решение о назначении единоличного исполнительного органа, заключившего эту сделку, признано судом недействительным⁸. При этом вопрос о добросовестности контрагента по такой сделке суды не рассматривают, поскольку воля юридического лица не была сформирована.

Вторая позиция противоположна и требует защищать добросовестных контрагентов. При рассмотрении споров суды исходят из того, что в момент совершения оспариваемой сделки полномочия директора были оформлены протоколом общего собрания участников, необходимые сведения внесены в ЕГРЮЛ, а решение суда о признании решения собрания об избрании директора недействительным отсутствовало, что при любых условиях не влечет недействительности сделок, заключенных таким директором⁹. Лишь установив отсутствие добросовестности со стороны контрагента при заключении сделок, нарушение прав общества, суды признают сделки ничтожными¹⁰.

Согласно позиции ВАС РФ, высказанной в Постановлении Президиума от 24.07.2007 № 3259/07, признание арбитражным судом недействительным решения совета директоров общества об избрании или назначении генерального директора не является основанием для признания договора недействи-

13.10.2014 по делу № А54-4141/2013 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017).

⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2015 г. № 09АП-53601/14 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 27.05.2017).

⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 марта 2016 г. № Ф06-6241/16 по делу № А55-8601/2015; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 12.09.2013 № Ф03-4281/2013 по делу № А73-16552/2012 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017).

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.09.2016 № Ф09-8330/16 по делу № А71-10321/2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017).

тельным либо незаключенным, если сделка совершена до вступления в силу решения суда. В данном случае ВАС РФ высказался только в отношении совершенных сделок, но названное правило применимо и к иным действиям.

2. Признание недействительной государственной регистрации записей или изменений, внесенных в ЕГРЮЛ на основании таких решений.

Судами отмечается, что с учетом признания решения собрания не имеющим юридической силы не могут считаться действительными внесенные в ЕГРЮЛ соответствующие сведения, которые изменены в отсутствие имеющего юридическую силу решения компетентного органа общества¹¹.

При этом признание решения собрания недействительным не свидетельствует о незаконности действий налогового органа по внесению сведений в ЕГРЮЛ. Признание решений недействительными, осуществленное после регистрации вносимых в учредительные документы изменений, не свидетельствует о нарушении регистрирующим органом закона, так как данное обстоятельство не было известно регистрирующему органу, не наделенному полномочиями на проведение правовой экспертизы документов, представленных на регистрацию¹². На регистрирующий орган не возлагается обязанность проводить проверку достоверности указанных юридическим лицом сведений, а также соответствия содержащихся в представленных документах сведений федеральным законам или иным нормативным правовым актам РФ, так как ответственность за достоверность данных сведений возложена на заявителя¹³.

Во избежание подобных ситуаций при необходимости обжалования регистрации,

основанием которой стало недействительное решение, следует в качестве аргумента ссылаться не на «незаконность решений и действий регистрирующего органа», а на «недействительность государственной регистрации изменений в сведения о юридическом лице» [3. С. 35].

Вместе с тем решение суда о признании недействительными оспариваемых решений служит основанием для обращения в регистрирующий орган с заявлением о внесении изменений в реестр.

3. Признание выплаченных дивидендов неосновательным обогащением¹⁴, так как юридическим последствием признания судом недействительным решения общего собрания акционеров о выплате дивидендов будет отпадение правового основания для их получения.

4. Признание недействительными сделок, требующих одобрения решением собрания.

В случае когда общество действовало добросовестно и разумно, например затребовало документы, подтверждающие одобрение оспариваемых договоров, и оснований подвергать сомнению подлинность протоколов общего собрания не имелось, такие сделки не могут быть признаны недействительными¹⁵.

5. Признание недействительными различных корпоративных процедур, таких как выпуск акций, увеличение (уменьшение) уставного капитала, внесение изменений в учредительные документы, реорганизация, ликвидация. В то же время, например, признание недействительным решения общего собрания о выпуске привилегированных акций недостаточно для признания эмиссии этих акций незаконной¹⁶.

Могут быть и иные правовые последствия, например перевод прав и обязанностей покупателя долей в уставном капитале вследствие признания решения собрания и,

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2015 г. № 305-ЭС15-3753 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017).

¹² Апелляционное определение СК по гражданским делам Волгоградского областного суда от 21 сентября 2016 г. по делу № 33-12101/2016 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017); Определение СК по гражданским делам Приморского краевого суда от 10 марта 2015 г. по делу № 33-/2015 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 27.05.2017).

¹³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 28.07.2015 по делу № 33-2767/2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017).

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 декабря 2014 г. № Ф09-8270/14 по делу № А60-50396/2013 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 27.05.2017).

¹⁵ Решение Арбитражного суда Алтайского края по делу № А03-24117/2015. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 20.04.2017)ю

¹⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 12 марта 2012 г. № Ф03-517/12 по делу № А51-7806/2011 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.05.2017).

следовательно, признание записи в ЕГРЮЛ недействительными¹⁷.

Недействительность решения не влечет автоматического признания недействительными всех действий, совершенных на его основе, а участнику гражданско-правового сообщества для восстановления положения, которое существовало до исполнения решения, принятого на собрании, необходимо предъявление соответствующего гражданского иска (о признании недействительной сделки; о признании недействительным выпуска эмиссионных ценных бумаг; о виндикации имущества и т. д.).

Поскольку для решений собраний характерна сложность и предметная разнородность, а определить единые правовые последствия для всех недействительных решений собраний не представляется возможным, законодателем дифференцированы правовые последствия недействительности решений собраний различных гражданско-правовых сообществ. Следовательно, в силу многообразия решений собраний и действий, которые могут быть совершены на основании недействительного решения собрания, законность таких действий должна в каждом случае рассматриваться индивидуально.

При этом возникает спор относительно того, чьи права нуждаются в большей защите: права участника гражданско-правового сообщества или права третьего лица (контрагента). Так как решение собрания имеет внутренний характер и не адресовано участникам гражданского оборота, то риск наступления негативных последствий в первую очередь лежит на участниках сообщества. Третьи лица не должны нести дополнительных рисков, возникающих в случае, если судом будет установлено или будет признано, что решение собрания недействительно.

Необходимо руководствоваться прежде всего основаниями для сохранения юридической силы действий в силу принципов стабильности гражданского оборота и правовой определенности. В связи с этим в отношениях с третьими лицами следует отдавать приоритет защите контрагента и рассматривать спор в соответствии с принципом добросовестности сторон.

Таким образом, последствия недействительности решения собрания могут иметь силу для третьих лиц только с момента, когда они узнали или должны были узнать о недействительности решения. Поэтому, представляется, что таким моментом может служить вступление в силу решения суда о признании соответствующего решения собрания недействительным. При этом в основу определения действительности последующих юридических фактов должны быть положены принципы публичной достоверности государственных реестров, а также принципы добросовестности и стабильности гражданского оборота.

Список литературы

1. Макарова О. А. Момент недействительности решений общих собраний акционеров в свете изменений в ГК РФ // Юрист. 2014. № 23. С. 19–22.
2. Родионова О. М. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестн. гражданского права. 2012. № 5. С. 66–93.
3. Журавлева А. А. Правовые последствия признания недействительным решения собрания участников хозяйственного общества // Законодательство. 2015. № 2. С. 34–37.

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2016 № 309-ЭС15-10685 // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения 20.01.2017).

K. S. Pologutina, T. V. Shepel

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

pks200995@gmail.com, tomaser@mail.ru

LEGAL PROBLEMS OF INVALIDATION OF DECISIONS OF THE MEETING

The article presents the legal implication of invalidation of decisions of the meetings of various civil communities, and analyzes judicial practice. It is substantiated that the invalidity of the decisions of the meeting does not automatically invalidate all actions committed on its basis. It is recognized as necessary in determining the validity of subsequent legal facts to be guided by the principles of public reliability of state registers, as well as the principles of good faith and stability of civil circulation. Based on the study of judicial practice it is established that the implication of invalidation of decisions of the meetings can be effective for third parties only from the moment they learned or should have learned about the invalidity of the decision. It seems that such a moment can be the entry into legal force of judgment on invalidation of decisions of the meetings.

Keywords: jural fact, decisions of the meetings, invalidity, set of facts, invalidity of legal transaction, good faith, public credibility.

References

1. Makarova O. A. Moment nedeistvitel'nosti reshenii obschikh sobranii aktsionerov v svete izmenenii v GK RF [The moment of invalidity of decisions of general meetings of shareholders in the light of changes in the Civil Code of the Russian Federation]. *Lawyer*, 2014, № 23, p. 19–22. (in Russ.)
2. Rodionova O. M. O pravovoi prirode reshenii sobranii i ikh nedeistvitel'nosti v germanskom i rossiiskom grazhdanskom prave [On the legal nature of decisions of meetings and their invalidity in German and Russian civil law]. *Vestnik of Civil Law*, 2012, № 5, p. 66–93. (in Russ.)
3. Zhuravleva A. A. Pravovye posledstviya priznaniya nedeistvitel'nym resheniya sobraniya uchastnikov hozyaistvennogo obschestva [Legal implication of invalidation of decisions of the meetings of participants in a company]. *Legislation*, 2015, № 2, p. 34–37. (in Russ.)

For citation:

Pologutina K. S., Shepel T. V. Legal Problems of Invalidation of Decisions of the Meeting. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 34–39. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-34-39

И. В. Ершова

*Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета
ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, 654041, Россия*

ershova-ur@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (СТАТЬЯ 1069 ГК РФ)

Рассматриваются специфические условия, наличие которых делает возможным исполнение за счет казны муниципального образования обязательств по возмещению вреда, причиненного органами местного самоуправления и их должностными лицами. Показано, что в действующем законодательстве, определяющем порядок исполнения обязательств по возмещению вреда, причиненного органами власти, в том числе органами местного самоуправления и их должностными лицами, отсутствуют нормы, устанавливающие право потерпевшего на обращение к службе судебных приставов за принудительным исполнением судебного решения о надлежащем исполнении обязательства по возмещению вреда. Нормы гражданского, гражданского процессуального и финансового права устанавливают только добровольный порядок исполнения финансовыми органами муниципального образования решения суда по возмещению вреда, причиненного потерпевшему в результате незаконных действий (бездействия) властных органов, в том числе органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в соответствии с положениями норм Бюджетного кодекса РФ. Предложено внести соответствующие изменения в ст. 1071 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: обязательство по возмещению вреда, органы местного самоуправления, казна, основание возмещения.

Исследование специфики исполнения деликтного обязательства публичного образования, возникшего в результате причинения вреда органом местного самоуправления, не было предметом научных изысканий, что негативно сказывается на состоянии правоприменительной деятельности.

Порядок исполнения обязательств по возмещению вреда, причиненного органами местного самоуправления по ст. 1069 ГК РФ¹, имеет ряд особенностей, которые выделяют его из иных деликтных обязательств.

Первой особенностью исполнения исследуемого деликтного обязательства является специфика порядка взыскания денежных средств из казны публичного образования в целях возмещения вреда, причиненного органами власти, в том числе органами местного самоуправления. Согласно ст. 7 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» органы, организации, в том числе органы местного самоуправления, исполняют требования, содержащиеся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц, в порядке,

¹ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

установленном указанным законом и иными федеральными законами². В соответствии со ст. 1 того же закона условия и порядок исполнения судебных актов по передаче гражданам, организациям денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы РФ устанавливаются бюджетным законодательством РФ. В соответствии с п. 4 ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ³ исполнение судебных актов по искам к муниципальным образованиям о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов местного самоуправления или их должностных лиц, осуществляется за счет средств местного бюджета. Бюджет – это форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового определения задач и функций государства и местного самоуправления (ст. 6 БК РФ). Казна, в свою очередь, представляет собой средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями (п. 3 ст. 215 ГК РФ). Исполнение исполнительных документов по взысканию денежных средств из казны публичного образования осуществляется финансовым органом муниципального образования (п. 4 ст. 242.2 БК РФ).

Таким образом, законом предусмотрен особый порядок взыскания денежных средств из казны публичного образования – из сферы регулирования ФЗ «Об исполнительном производстве» изъяты исполнительные документы по взысканию денежных средств за счет средств бюджетной системы Российской Федерации. Они не подлежат исполнению судебными приставами-исполнителями. Другой порядок действующим законодательством не предусмотрен. Однако в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»⁴, а также в неопубликованном Приказе ФССП РФ от 15.05.2009 № 195 «Об утверждении методических рекомендаций по исполнению судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюд-

жетной системы Российской Федерации»⁵ установлено, что исполнительный лист о взыскании денежных средств из бюджета публично-правового образования может быть предъявлен взыскателем для принудительного исполнения судебному приставу-исполнителю в случае, если исполнение решения суда не было произведено за счет средств бюджета в течение указанного трехмесячного срока.

Следующая особенность – порядок установления факта причинения вреда органом местного самоуправления. Положения п. 1 ст. 1064 ГК РФ предусматривают возможность: а) добровольного признания факта причинения вреда и последующего его возмещения; б) обращения кредитора за защитой нарушенных прав в суд в случае отказа причинителя вреда его возместить. Но порядок возмещения вреда, причиненного органами власти, не предполагает добровольного признания факта причинения вреда органами местного самоуправления. Нормы Бюджетного кодекса РФ определяют, что возмещение вреда публичным, в том числе муниципальным, образованием производится только в результате выявления факта нарушения им прав потерпевших (в виде причинения вреда) в установленном судебном порядке. Это основано на нормах п. 2 ст. 1 ФЗ «Об исполнительном производстве» и ст. 242.1 БК РФ, в соответствии с которыми непосредственное исполнение обязательства и возмещение вреда, в силу специфики обязанного субъекта и правового регулирования бюджетного процесса в РФ, производится исключительно в порядке гражданского судопроизводства.

Обращение взыскания на публичные образования по обязательствам о возмещении вреда, причиненного органами местного самоуправления, невозможно без судебного решения. Муниципальное образование является участником бюджетного процесса, а его бюджет – неотъемлемой частью бюджетной системы Российской Федерации (ст. 6 БК РФ). В отношении исполнения бюджета установлен специальный порядок, именуемый иммунитетом бюджетов, допускающий обращение взыскания на бюджетные средства только на основании судебного решения (ст. 239 БК РФ). Именно суд выявляет наличие всего состава правонаруше-

² СЗ РФ 2007. № 50 (Часть III). Ст. 7553.

³ СЗ РФ 1998. № 31. Ст. 3823.

⁴ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.02.2018).

⁵ Там же.

ния (вреда, противоправности поведения, причинной связи между ними и вины).

Следовательно, установление факта причинения вреда органом местного самоуправления осуществляется только в судебном порядке, что само по себе исключает возможность добровольного (по собственному желанию, не по принуждению) признания долга по возмещению причиненного вреда по ст. 1069 ГК РФ, в чем, несомненно, проявляется специфика исполнения обязательств вследствие причинения вреда органами местного самоуправления.

Однако, несмотря на обязательность судебного порядка установления факта причинения вреда органами местного самоуправления, в законе отсутствует механизм, обеспечивающий исполнение исполнительных документов в отношении публичных образований, что является также особенностью исполнения деликтного обязательства по ст. 1069 ГК РФ. Бюджетный кодекс РФ предусматривает исполнение исполнительных листов из казны публичных образований без участия службы судебных приставов-исполнителей только посредством совершения регламентированных им действий финансовым органом муниципального образования. В результате исполнение судебного решения и, соответственно, взыскание сумм в счет возмещения вреда осуществляет специально созданный муниципальным образованием финансовый орган. Кредитор может получить денежные средства из казны публичного образования только при условии, что такие расходы предусмотрены в нормативно-правовом акте о бюджете на соответствующий год, а финансовый орган совершил все предусмотренные законом действия. Если же расходы не предусмотрены, или финансовый орган не выполнил свои обязанности, то взыскание является фактически невыполнимым. Правовым основанием для подобного вывода являются ст. 242.2 и 242.5 БК РФ, согласно которым руководитель органа местного самоуправления обязан совершить в определенном административном порядке действия по осуществлению платежей. Исполнение судебных актов из средств бюджета муниципального образования осуществляется за счет ассигнований на эти цели, установленных соответствующим актом о бюджете. Но если сумма, подлежащая оплате, превышает установленную в бюджетной росписи, то такой факт являет-

ся основанием для внесения изменений в бюджетную роспись (п. 5 ст. 242.2 БК РФ). Внесение указанных изменений совсем не означает, что кредитор получит возмещение. Неисполнение судебного решения возможно либо при отсутствии денежных средств в бюджете, либо в связи с истечением трехмесячного срока, установленного для исполнения судебных решений, по окончании которого главный распорядитель бюджетных средств не вправе осуществлять каких-либо операций в целях исполнения судебного решения.

Из этого следует, что, даже доказав в судебном процессе свою правоту, потерпевший не может рассчитывать на фактическое возмещение причиненного вреда. Однако Конституционный Суд РФ, положительно оценив механизм исполнения судебных решений о возмещении вреда, причиненного органами этих образований⁶, умолчал о правовой возможности их неисполнения со стороны финансовых органов. Отсутствие в действующем законодательстве норм, позволяющих использовать кредиторами публичных образований принудительный порядок исполнения судебных решений, ставит в явно неравное положение таких кредиторов по сравнению с кредиторами в иных деликтных обязательствах.

Следующей особенностью является основание возмещения потерпевшим (кредиторами) вреда, причиненного органами местного самоуправления. Его специфика заключается в том, что и возникновение обязательства по возмещению вреда, и порядок его исполнения регулируются нормами публичного, а не частного права. В отличие от иных деликтных обязательств кредитор в целях получения возмещения вреда обязан совершить ряд действий, регламентация которых осуществляется нормами ст. 242.2 БК РФ. К таким обязательным действиям потерпевшего (кредитора) относятся: а) предъявление требования в суд; б) доказывание в судебном процессе факта нарушения субъективных гражданских прав; в) получение решения суда и исполнительного листа; г) предоставление должнику заявления о перечислении сумм возмещения в пользу

⁶ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 11.05.2012 № 804-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.02.2018).

потерпевшего с приложением решения суда и исполнительного листа.

Оценивая такую особенность основания возмещения вреда публичными образованиями, в том числе муниципальными, Конституционный Суд РФ в Определении от 11.05.2012 № 804-О подтвердил конституционность указанных норм и пояснил, что положения норм ст. 242.2 БК РФ направлены на защиту интересов взыскателя и не препятствуют исполнению судебных решений⁷. С позиции Конституционного Суда РФ данные нормы предполагают совершение взыскателем активных действий, направленных на получение взыскиваемых денежных средств, а именно направление в финансовый орган соответствующих документов: исполнительного листа (судебного приказа), копии судебного акта, заявления с указанием реквизитов банковского счета, на который должны быть перечислены денежные средства. И главное, по его мнению, процедура исполнения судебного решения, как предусматривающая расходование бюджетных средств, не может быть начата без непосредственного волеизъявления лица, в чью пользу взыскиваются денежные средства. Следовательно, реализация обязанности по возмещению вреда таким специфичным субъектом, как публичное образование, возможна только при наличии вступившего в законную силу судебного решения и совершения кредитором иных активных дополнительных действий.

Из изложенного следует, что для таких субъектов гражданского права, как публичные образования, являющихся должниками в обязательствах по возмещению вреда по ст. 1069 ГК РФ, исполнение обязанности невозможно без вынесения судебного решения и передачи финансовому органу совокупности документов: решения суда, исполнительного листа и заявления. Иными словами, для возмещения вреда из казны публичного образования необходимо не только наличие правонарушения, совершенного органом местного самоуправления, но и других фактов, как то: 1) решение суда; 2) исполнительный лист и его передача должнику вместе с заявлением о взыскании. Указанные юридические факты с точки зрения цивилистической доктрины образуют

сложный юридический состав, который необходим и достаточен для возложения ответственности на муниципальное образование. Непредставление какого-либо из названных документов или несовершение определенных активных действий со стороны кредитора является основанием для возврата кредитору-взыскателю документов, поступивших на исполнение, и, соответственно, для фактического отказа в возмещении вреда (п. 3 ст. 242.1 БК РФ).

Кроме того, особенностью исполнения обязательства по возмещению вреда, причиненного органами местного самоуправления, является источник его возмещения. Как было указано ранее, муниципальное образование является участником бюджетного процесса, а его бюджет – неотъемлемой частью бюджетной системы Российской Федерации (ст. 6 БК РФ). Исходя из положений ст. 126, п. 4 ст. 214, ст. 1069 ГК РФ, публичные образования, в том числе муниципальные, в обязательствах с их участием должны отвечать денежными средствами и иным имуществом, составляющим казну.

Соответственно, возмещение вреда по восстановлению нарушенных органом местного самоуправления прав и законных интересов кредиторов осуществляется исключительно за счет казны муниципального образования путем выплаты возмещения в денежной форме.

Представляется необходимым исключить противоречия в действующем законодательстве и определить в ст. 1071 ГК РФ особенности возмещения вреда из казны публичного образования, дополнив ст. 1071 ГК РФ пунктом 2 следующего содержания:

«Возмещение вреда за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования осуществляется на основании судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, а по истечении установленного срока в соответствии с законодательством об исполнительном производстве».

⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.02.2018).

I. V. Ershova

*Novokuznetsk branch of Kemerovo State University
23 Tsiolkovsky Str., Novokuznetsk, 654041, Russian Federation*

ershova-ur@rambler.ru

**PECULIARITIES OF PERFORMANCE OF COMMITMENTS
FOR REIMBURSEMENT OF THE HARM CAUSED BY LOCAL SELF-GOVERNMENT
ON ART. 1069 CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

In article specific conditions are considered, presence of which makes possible execution at the expense of the exchequer of municipal formation of the commitments on compensation of harm caused by the institutions of local government and their officials. It is shown that in current legislation determining order of execution of the commitments from hurting caused by the authorities, including institutions of local government and their officials, norms commitments setting right of the victim on reference to service of judicial police officers for compulsory execution of judgement and proper execution on compensation of harm are absent. The norms of civil, civil-remedial and financial right install only a voluntary order of execution by financial units of municipal formation of the award of the arbitrators on compensation of harm caused to the wrecked as a result of illegal actions (inaction) of authorities, including institutions of local government or officials of these units, pursuant to situations of norms of Budgeting code of Russian Federation. It is offered to introduce respective alterations to article. 1071 Civil code of Russian Federation.

Keywords: obligation to compensate for harm, local self-government bodies, treasury, the basis of compensation.

For citation:

Ershova I. V. Peculiarities of Performance of Commitments for Reimbursement of the Harm Caused by Local Self-Government on Art. 1069 Civil Code of the Russian Federation. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 40–44. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-40-44

УДК 342.72/.73

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-1-45-51

Л. Н. Вахрамеева

*Прокуратура Новосибирской области
ул. Каменская, 20а, Новосибирск, 630099, Россия*

lydmila5127@mail.ru

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВА:
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Создавая благоприятные условия для человека, современное российское государство обеспечивает безопасность производства и потребления ресурсов и услуг, в том числе с помощью контрольно-надзорной деятельности государственных органов. С целью определения сущности понятий «контроль» и «надзор» в статье исследуются научные работы и положения нормативных правовых актов. Изучая надзор и контроль в историческом развитии с советского периода до настоящего времени, автор выявляет факторы, оказавшие влияние на контрольную и надзорную деятельность, решается проблема взаимосвязи и разграничения контрольных и надзорных полномочий. Выделяется прокуратура как государственный орган, основой деятельности которого является надзор, в том числе в отношении государственных органов контроля (надзора) и муниципальных органов контроля. По результатам исследования определяются основные признаки контроля и надзора, обосновывается актуализация надзорной деятельности современной российской прокуратуры.

Ключевые слова: контроль, надзор, контрольно-надзорная деятельность, защита прав, прокурорский надзор.

В России человек, его права и свободы признаны высшими ценностями. Государство обязано признавать права и свободы человека, а также соблюдать их и защищать (ст. 2 Конституции Российской Федерации¹). На это направлена деятельность всех государственных органов и учреждений.

Для достойного существования, развития и реализации человеком своего потенциала требуется создание соответствующих условий. Человек является основным потребителем ресурсов и услуг, качество которых должно соответствовать требованиям безопасности, не нарушать прав человека на жизнь и достоинство, материнство и детство, социальное обеспечение, охрану здоро-

вья и медицинскую помощь, благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, свободу экономической деятельности.

Деятельность по производству благ для человека находится под контролем органов, непосредственно производящих блага, а также государства. Законодатель наделил многие государственные органы полномочиями по контролю и надзору. Наряду с активной деятельностью последних проблема теоретического и законодательного определения контроля и надзора остается нерешенной.

Вопросам надзора и контроля уделено внимание юридической наукой, однако общепринятых понятий этих категорий не вы-

¹ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

работано. Понятия «контроль» и «надзор» определяются учеными по-разному, что приводит к их смешению, пониманию их как синонимов, следовательно, к затруднениям в практике [1; 2].

С. М. Зубарев рассматривает надзор как ограниченный по предмету контроль. По его мнению, предметом контроля являются законность и целесообразность деятельности подконтрольных органов, предметом надзора – только законность такой деятельности [2].

По мнению А. Ю. Гулягина, надзорная деятельность охватывает лишь первый элемент контроля – проверку результата [3].

И. А. Терентьев называет надзор специфической формой контроля, представляющей наблюдение за деятельностью субъектов права с целью проверки соответствия их деятельности нормам законодательства. Он считает бессмысленным выделять универсальный подход к пониманию содержания контроля и надзора по причине многообразия научных точек зрения, обусловленных разными предметами исследования [4].

Анализ толкований значений слов «контроль» и «надзор» позволяет утверждать, что они не идентичны.

В «Толковом словаре русского языка» В. И. Даля «надзирать» определено как «иметь надзор, присмотр; насматривать, наблюдать, наглядывать» [5. С. 400]. Значение слова «контроль» не определено.

Словарь Ф. А. Брокгауза в определении слова «контроль» отсылает нас к Государственному контролю [6. Т. 31. С. 114] – государственному учреждению, образованному 28 января 1811 г., в обязанности которого входило наблюдение за правильностью и законностью поступления государственных доходов и производства расходов [6. Т. 17. С. 408–411].

В «Большой советской энциклопедии» надзор раскрыт как одна из форм деятельности по соблюдению социалистической законности [7. Т. 17. С. 208], а контроль – как проверка чего-либо, например выполнения законов, планов, решений [7. Т. 13. С. 70].

Современные словари не однозначны в определении надзора и контроля.

В «Большой энциклопедии» надзор определен как «одна из форм деятельности различных государственных органов по обеспечению законности» [8. Т. 31. С. 320].

Контроль определен как проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора [8. Т. 23. С. 162].

В энциклопедическом словаре государственно-правовой терминологии не дано понятие надзора, однако приведены его виды (конституционный, прокурорский, административный, судебный). Контроль определен как «вид деятельности, осуществляемой в целях организации выполнения законов и иных нормативных правовых актов, указаний вышестоящих органов, соблюдения дисциплины, должного использования финансовых средств и имущества, организации работы с предложениями, заявлениями и жалобами граждан и т. д.» [9. С. 322]. Государственный контроль определен как одна из функций государства, осуществляемая в тех же целях [9. С. 149].

Различия законодателя в подходах к определению контроля и надзора обусловлены различными причинами, в том числе преобладающей идеологией на разных исторических этапах развития России.

После Октябрьской революции произошел слом прежних систем – государственной и правовой. Была объявлена идеологическая война прежним государственно-правовым институтам. Понятие «надзор» не использовалось. Был установлен единый государственный контроль, к осуществлению которого привлечены широкие трудовые массы.

9 апреля 1919 г. декрет ВЦИК² возложил на государственный контроль задачу по наблюдению и контролю, обеспечивающему быстрое и целесообразное осуществление декретов и постановлений во всех областях хозяйства и государственного управления.

Для выполнения этой задачи с целью привлечения народных масс к осуществлению государственного контроля декретом ВЦИК от 8 февраля 1920 г.³ была создана Рабоче-крестьянская инспекция, к компетенции которой было отнесено наблюдение за точным исполнением декрета 6-го Всероссийского Съезда Советов о законности.

В Декрете ВЦИК от 18 августа 1921 г. «Об усилении деятельности рабоче-крестьянской инспекции»⁴ отмечена необходимость

² СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 122.

³ Декрет ВЦИК от 8 февраля 1920 г. «О Рабоче-Крестьянской Инспекции (Положение)». URL: www.consultant.ru (дата обращения 05.04.2016)

⁴ СУ РСФСР. 1921. Ст. 424.

со стороны последней напряжения сил в деле содействия по созданию экономической мощи страны и ревизионного наблюдения за деятельностью органов новой республики.

Таким образом, произошло исключение из правовой терминологии понятия «надзор» и введение понятия «контроль», к которому было отнесено и наблюдение. Эти законодательно закрепленные положения стали основой для определения контроля как всеобъемлющего понятия и в то же время сокращения надзора до части контрольной деятельности.

Однако и в то время не было единства мнений в определении понятий контроля и надзора [10. С. 20–21]. В. М. Савицкий отмечал, что термин «контроль», с каким бы эпитетом ни употреблялся, не содержит ничего, что ставило бы его над термином «надзор» [10. С. 21]. В широком смысле надзор – это «функция государства, состоящая в обеспечении нормальной деятельности всех звеньев государственного аппарата, общественных организаций, должностных лиц и граждан. Основным и непосредственным носителем этой функции выступает прокуратура» [10. С. 27]. Это утверждение имеет исторические корни.

В 20-х гг. XX столетия перед советским государством возникла проблема соблюдения социалистической законности. В. И. Ленин заявил о возрождении надзора и необходимости создания прокуратуры.

По Положению о прокурорском надзоре, утвержденному 28 мая 1922 г. III Сессией ВЦИК⁵, надзор предполагалось осуществлять путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений. На прокуратуру также возлагалось непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания по раскрытию преступлений, деятельностью Государственного Политического Управления, правильностью содержания заключенных под стражей, поддержание обвинения в суде.

Прокурор не был наделен никакой другой властью, кроме надзорной, и она заключалась в том, чтобы следить за установлением единообразного понимания законности. Прокурор был не вправе руководствоваться целесообразностью в отличие от Рабоче-крестьянской инспекции и не был наделен

административными полномочиями в отличие от судов [11. С. 19].

Надзор в лице органов прокуратуры в советском государстве получил развитие и укрепление. В Конституциях СССР 1936 и 1977 г. прокурорский надзор именовался высшим, охватывал практически все сферы общества.

В период перехода к демократизации российской государственно-правовой системы надзор был объявлен пережитком советского времени.

В 1991 г. Концепцией судебной реформы в РСФСР⁶ усиление роли прокуратуры в 1922 г. путем наделения ее правом надзирать за законностью действий и решений должностных лиц, ведомств, следственных органов и судов расценено как унижение прокуратуры перед лицом директивных органов. Общий надзор прокуратуры был объявлен «державным орудием принуждения в условиях отсутствия материальной заинтересованности производителя и неразвитости гражданского общества»⁷.

Однако прокурорский надзор был сохранен. В Конституцию Российской Федерации, принятую 12 декабря 1993 г., статья о прокуратуре была включена. Однако статья была размещена в главе о судебной власти, и это, как писал А. И. Казанник, Генеральный прокурор Российской Федерации в 1993–1994 гг., было определено без каких-либо научных обоснований, вследствие вынужденного компромисса в напряженной борьбе за сохранение прокуратуры России [12].

Ни Конституция Российской Федерации, ни федеральное законодательство не дают понятия надзора, но Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁸ устанавливает, что надзор осуществляется за исполнением законов, соответствием законам издаваемых правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Цели прокурорского надзора – обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

⁵ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

⁶ Вед. СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

⁷ Там же.

⁸ СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Современный законодатель ушел от определения прокурорского надзора как наблюдения, но применил понятие «наблюдение» в отношении контрольных и надзорных органов исполнительной власти. Понятия «контроль» и «надзор» в законодательстве, регулирующем деятельность контрольных и надзорных органов исполнительной власти, не разграничены.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. №314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»⁹ функции по контролю и надзору раскрыты как действия по контролю и надзору за исполнением органами государственной власти и местного самоуправления, их должностными лицами, а также юридическими лицами и гражданами установленных законодательством общеобязательных правил поведения; выдача разрешений и лицензий; регистрация актов, документов, прав, объектов, издание индивидуальных правовых актов.

По результатам анализа нормативных правовых актов, регулирующих контрольную и надзорную деятельность ряда государственных органов исполнительной власти (государственный надзор за деятельностью саморегулируемых организаций¹⁰, в области связи, охраны атмосферного воздуха, использования и охраны водных объектов, объектов животного мира и среды их обитания, пожарный надзор в лесах, ветеринарный, санитарно-эпидемиологический надзор¹¹, транспортный¹², строительный¹³, экологический¹⁴, земельный надзор¹⁵, надзор за деятельностью некоммерческих организаций¹⁶, в области безопасности дорожного движения¹⁷, рекламы¹⁸, трудового законодательства¹⁹, использования атомной энергии²⁰, безопасности гидротехнических сооружений²¹, организации и проведения

азартных игр²², в сфере обращения лекарственных средств²³, обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов²⁴, контроль (надзор) в области транспортной безопасности²⁵, регулируемых государством цен (тарифов)²⁶), контрольная и надзорная деятельность заключаются в наблюдении, анализе, прогнозировании деятельности поднадзорного субъекта. Задачами являются недопущение, предупреждение, выявление, пресечение нарушений норм закона. Предметом проверок при осуществлении государственного контроля (надзора) определено соблюдение субъектами обязательных требований, установленных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами. Наблюдение, анализ, прогнозирование деятельности проверяемого субъекта отнесены также и к способам осуществления контрольной и надзорной деятельности.

В Методике проведения мониторинга эффективности государственного контроля (надзора) и муниципального контроля²⁷ система наблюдения, анализа, оценки и прогноза эффективности контрольно-надзорной деятельности именуется мониторингом, который осуществляется на основании сбора, обработки и анализа документов и сведений.

Отсутствие разграничения понятий «контроль» и «надзор» повлекло сложности в практическом осуществлении органами исполнительной власти контрольных и надзорных полномочий. Потребовался механизм защиты поднадзорных субъектов от превышения и злоупотребления полномочиями контрольных и надзорных органов. Решая эту задачу, законодатель обратился к надзорным полномочиям прокуратуры.

8 августа 2001 г. был принят Федеральный закон № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)»²⁸. Целью принятия закона явилась защита прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) органами исполнительной власти

⁹ СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

¹⁰ СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6709.

¹¹ СЗ РФ. 2013. № 24. Ст. 2999.

¹² Там же. № 12. Ст. 1335.

¹³ СЗ РФ. 2006. № 7. Ст. 774.

¹⁴ СЗ РФ. 2014. № 20. Ст. 2535.

¹⁵ СЗ РФ. 2015. № 2. Ст. 514.

¹⁶ СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4130.

¹⁷ СЗ РФ. 2013. № 34. Ст. 4446.

¹⁸ СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7519.

¹⁹ Там же. № 37. Ст. 4995.

²⁰ Там же. № 43. Ст. 5878.

²¹ Там же. № 45. Ст. 6246.

²² СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 555.

²³ СЗ РФ. 2012. № 43. Ст. 5877.

²⁴ СЗ РФ. 2001. № 1 (Ч. II). Ст. 123.

²⁵ СЗ РФ. 2013. № 41. Ст. 5193.

²⁶ Там же. № 27. Ст. 3602.

²⁷ СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1807.

²⁸ СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3436.

федерального уровня и уровня субъектов Российской Федерации. По этому закону контроль (надзор) – это проверка выполнения обязательных требований к товарам, работам, услугам.

Указанный закон утратил силу с 1 мая 2009 г. в связи с принятием 26 декабря 2008 г. Федерального закона № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»²⁹.

Новый федеральный закон расширил предмет защиты, включив в него муниципальный контроль, а также наделил прокуратуру специальными полномочиями по проверке законности действий государственных и муниципальных органов при осуществлении ими контрольной и надзорной деятельности.

В этом законе «контролем (надзором)» именуется деятельность только государственных органов. Относительно деятельности муниципальных органов и учреждений используется понятие «контроль».

Если исключить из полномочий государственных контрольных (надзорных) органов исполнительной власти полномочия по муниципальному контролю, мы получим полномочия по наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований. Вероятно, эти полномочия определены законодателем надзорными для государственных органов исполнительной власти.

О проблеме несовершенства надзора в системе исполнительных органов и ответственности органов исполнительной власти писал М. М. Сперанский.

Организацию ответственности низших исполнительных органов перед высшими он описывал в трех формах: разрешение жалоб; «разные установления, коими высшее начальство надзирает за деяниями низшего: ведомости о течении дел, временные осмотры и проч.» [13]; постоянный личный надзор, который заключается в том, что при каждом месте учреждалось бы особое лицо, «которое, не препятствуя исполнению, доносит высшему начальству о тех случаях, кои находит противными учреждениям» [13]. Последний способ надзора М. М. Сперанский

находил несостоятельным, поскольку, по его мнению, надзирающее лицо имело бы одинаковый интерес с поднадзорным; его деятельность была бы излишней в управлении, вредящей «или скорости, или порядку» [13], ослабляющей прямую личную ответственность исполнителя [13].

Прокуратурой Российской Федерации при осуществлении надзора выявляется множество нарушений прав и свобод граждан и юридических лиц, требующих принятия мер прокурорского реагирования.

Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, отметил, что в 2015 г. по протестам прокуроров чиновники исправили 24 тыс. документов. В 2016 г. прокуратура избавила бизнес почти от 300 тыс. визитов проверяющих, опротестовала почти 3 тыс. незаконных правовых актов [14].

По официальным данным Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с января по август 2017 г. прокурорами в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности выявлено более 132 тыс. нарушений (в 2016 г. – более 126 тыс.), а при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – более 1 877 тыс. нарушений (в 2016 г. – более 2 263 тыс.)³⁰.

Итак, надзор и контроль – разные категории. В государственной деятельности контроль характерен для сферы управления, исполнения принятых норм, порядков и правил. Реализация контроля ограничена рамками специфики направления отдельного вида государственной деятельности, поэтому контроль наделен полномочиями по определению целесообразности избранных приемов и способов деятельности, а также по устранению нарушений и привлечению виновных лиц к ответственности в пределах ведомственной компетенции.

Надзор – деятельность активная, внешняя, самостоятельно-инициативная, государственно-профессиональная, обладающая властно-распорядительными полномочиями. Поднадзорность контрольных органов надзорным обязательна. Надзор в отношении органов публичной власти возложен на про-

²⁹ СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6249.

³⁰ URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1259958/> (дата обращения 14.11.2017).

куратуру. Современный прокурорский надзор независим, в отличие от надзора органов исполнительной власти не связан ведомственной принадлежностью. Результаты прокурорской деятельности в сфере соблюдения прав юридических лиц и граждан свидетельствуют о его востребованности.

Список литературы

1. Греб В. В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 3–4.
2. Зубарев С. М. О соотношении понятий «контроль» и «надзор» в публичном управлении // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 10. С. 31–36.
3. Гулягин А. Ю. Государственный контроль и прокурорский надзор: правовое соотношение понятий и процедур // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 31–35.
4. Терентьев И. А. Общая характеристика контроля и надзора, осуществляемого органами государственной власти // Административное право и административный процесс. 2012. № 11. С. 70–72.
5. Даль В. И. Токовый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2010. 736 с.

6. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. М.: Терра, 1992.

7. Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974.

8. Большая энциклопедия: В 62 т. М.: Терра, 2006.

9. Конституционное право: Энциклопедический словарь / Отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Авакьян. М.: Норма, 2000. 688 с.

10. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М.: Наука, 1975. 384 с.

11. Строгович М. С. Курс Советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

12. Казанник А. И. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации: мифы и реальность // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 5. С. 13–16.

13. Сперанский М. М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_zapiska_ob_ustroystve_sudebnyh.html (дата обращения 20.04.2016).

14. Окунь С. Прокуратуре не откажешь в полномочиях // Газета Коммерсантъ. 2016. 17 июня.

Материал поступил в редколлегию 28.01.2018

L. N. Vakhrameeva

*Public Prosecutor's Office of the Novosibirsk Region
20a Kamenskaya Str., Novosibirsk, 630099, Russian Federation*

lydmila5127@mail.ru

PUBLIC PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CONTROL AND SUPERVISING ACTIVITY OF BODIES OF THE STATE: SOME THEORETICAL ASPECTS AND LEGISLATIVE PROBLEMS

Creating favorable conditions for the person, the modern Russian State ensures safety of production and consuming of resources and services, including, by means of control and supervising activities of public authorities. For the purpose of determination of an entity of the concepts «monitoring» and «supervision», in article scientific operations and provisions of regulations are researched. Studying supervision and monitoring in historical development since the Soviet period so far, the factors which exerted impact on control and supervising activities come to light, the problem of correlation and demarcation of control and supervising powers is solved. The author selects prosecutor's office as public authority which basis of activities is supervision, including concerning public authorities of monitoring (supervision) and municipal control authorities. By results of a research

the main signs of monitoring and supervision are defined, updating of supervising activities of the modern Russian prosecutor's office is justified.

Keywords: control, supervision, control and supervising activity, protection of the rights, public prosecutor's supervision.

References

1. Grib V. V. Aktual'nye problemy pravovogo razvitiya instituta obschestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii [Current problems of legal development of institute of public control in the Russian Federation]. *Constitutional and Municipal Right*, 2015, № 11, p. 3–4. (in Russ.)
2. Zubarev S. M. O sootnoshenii ponyatij «kontrol'» i «nadzor» v publichnom upravlenii [About a ratio of the concepts «control» and «supervision» of public management]. *Government and Local Government*, 2014, № 10, p. 31–36. (in Russ.)
3. Gulyagin A. Yu. Gosudarstvennyj kontrol' i prokurorskij nadzor: pravovoe sootnoshenie ponyatij i procedur [State control and public prosecutor's supervision: legal ratio of concepts and procedures]. *Government and Local Government*, 2012, № 5, p. 31–35. (in Russ.)
4. Terent'ev I. A. Obschaya harakteristika kontrolya i nadzora, osuschestvlyaemogo organami gosudarstvennoj vlasti [A general characteristic of the control and supervision exercised by public authorities]. *Administrative Law and Administrative Process*, 2012, № 11, p. 70–72. (in Russ.)
5. Dal' V. I. Tokovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya [Current dictionary of Russian: modern version]. Moscow, Eksmo, 2010, 736 p. (in Russ.)
6. Brokgauz F. A. Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic dictionary]. Moscow, Terra, 1992. (in Russ.)
7. Bol'shaya sovetskaya [The big Soviet encyclopedia. In 30 vols. Ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow, Soviet encyclopedia, 1974. (in Russ.)
8. Bol'shaya enciklopediya [Big encyclopedia]. In 62 vols. Moscow, Terra, 2006. (in Russ.)
9. Konstitucionnoe pravo. Enciklopedicheskij slovar' [Constitutional right. Encyclopedic dictionary]. Ed. by S. A. Avakyan. Moscow, Norma, 2000, 688 p. (in Russ.)
10. Savickij V. M. Oчерк teorii prokurorskogo nadzora [Sketch of the theory of public prosecutor's supervision]. Moscow, Science, 1975, 384 p. (in Russ.)
11. Strogovich M. S. Kurs Sovetskogo ugolovnogo processa [Course of the Soviet criminal trial]. Moscow, Science, 1968, vol. 1, 470 p. (in Russ.)
12. Kazannik A. I. Konstitucionno-pravovoj status prokuratury Rossijskoj Federacii: mify i real'nost' [Constitutional legal status of prosecutor's office of the Russian Federation: myths and reality]. *Government and Local Government*, 2007, № 5, p. 13–16. (in Russ.)
13. Speranskij M. M. Zapiska ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stvennyh uchrezhdenij v Rossii [A note about the structure of legal and government agencies in Russia]. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_zapiska_ob_ustrojstve_sudebnyh.html. (in Russ.)
14. Okun' S. Prokurature ne otkazhesh' v polnomochiyah [Prokurature's perch you won't refuse powers]. *Kommersant Newspaper*, 2016, June 17. (in Russ.)

For citation:

Vakhrameeva L. N. Public Prosecutor's Supervision and Control and Supervising Activity of Bodies of the State: Some Theoretical Aspects and Legislative Problems. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 45–51. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-45-51

Л. И. Романова, Р. И. Дремлюга

*Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690091, Россия*

Romanova.li@dvfu.ru, Dremliuga.ri@dvfu.ru

ПРЕСТУПНЫЙ МИР DARKNET

Новая анонимная компьютерная сеть Darknet – малоизученное явление. Тем не менее, многие исследования подтверждают, что именно эта сеть становится лидером в сфере распространения наркотиков, оружия и порнографии, услуг компьютерных преступников и мошенников. Статья пытается ответить на вопросы, что представляет собой незаконная деятельность в Darknet, почему преступники выбирают именно этот способ распространения и как реагировать правоохранителям на новые вызовы. В качестве материала использованы результаты авторского исследования содержания сайтов Darknet, а также результаты зарубежных исследований последних лет. Авторы приходят к выводу, что в сложившейся ситуации важно соблюсти баланс между установлением правовых запретов и введением хорошо выстроенной системы профилактических мер.

Ключевые слова: Интернет, «теневого интернет», интернет-преступность, наркопреступления.

С появлением Интернета кардинальным образом изменился мир людей. Назначение Интернета сводилось к тому, что в его свободном пространстве не было никакой цензуры, контролирующих органов, надзирающих или запрещающих функций. Информация на любую тему могла быть анонимно на длительный срок размещена кем угодно и доступна всем желающим. В настоящее время возможности Интернета не ограничены, они совершенствуются, стремительно развиваются, благодаря современным технологиям подстраиваются под новые требования изменяющегося мира. Общество по-разному воспринимает технические нововведения: кто-то верит в то, что они действительно могут изменить жизнь к лучшему, а кто-то видит в них реальную угрозу для существования современного социума.

Несмотря на то что позитивный результат применения большинства интернет-технологий зависит от того, кто ими пользуется,

в жизни всегда существуют исключения, которые просто созданы для их нелегального использования. И действительно, наряду с положительной стороной в интернет-пространстве в скором времени стали развиваться теневая и криминальная составляющие. Интернет оказался притягательным для лиц с преступными намерениями для распространения наркотиков, детской порнографии, призывов к экстремизму, национализму, религиозному фанатизму, к совершению террористических актов, торговле оружием, живым товаром, вовлечению в тоталитарные организации, деструктивные секты. Появились многочисленные сайты, на которых мошенники всех мастей продавали фальсифицированные товары, поддельные документы, «липовые» дипломы о высшем образовании, различные справки и бланки строгой отчетности, предоставляли разного вида фальшивые услуги социального, медицинского, психологического и другого характера.

Примером относительно новых негативных технологий являются теневые компьютерные сети участников Darknet.

Прообраз Darknet появился еще в 70-х гг. прошлого столетия во времена создания сети ARPAnet, которая и стала прародителем современного Интернета. Darknet создавался как скрытый сектор, который был изолирован и доступен лишь для «своих». Вскоре был разработан особый инструмент, который позволял находиться в сети Интернет анонимно [1].

Darknet (теневая сеть, темная сеть) основывается на соединениях и протоколах сети Интернет, но не видна обычным пользователям, кроме того, любое соединение в Darknet гораздо труднее отследить, что обеспечивается за счет сложной маршрутизации соединения и многократного шифрования информации. Доступ в эту сеть возможен только с помощью специальных программ, например программы-браузера Tor¹ для доступа в Onion или программы I2P для «невидимого Интернета» (англ. – invisible internet project). Чаще всего, когда исследователи пишут про Darknet, речь идет именно о сети Onion, так как эта сеть по большей части состоит из нелегального, антисоциального или криминального контента. Иногда этим термином обозначают сразу все сети, обладающие подобными свойствами [2. С. 196].

Несмотря на то что правоохранительные органы закрывают запрещенные сайты, в Darknet сделать это гораздо сложнее, чем в обычной части Интернета. Наиболее громким делом стало закрытие сайта сети Darknet под названием Шелковый путь (англ. SilkRoad), который, по сути, являлся площадкой для торговли наркотиками и контрабандным товаром. Данному сайту на протяжении двух лет удавалось избегать привлечения к уголовной ответственности и быть посредником между продавцами и покупателями по всему миру, предоставляя возможность доставки наркотиков в любую точку земного шара за безналичный расчет (в основном с использованием криптовалют) [3. С. 41].

Отметим, что даже обычная сеть Интернет предоставляет существенные преимущества лицам с преступными намерениями. Во-первых, Интернет имеет глобальную

трансграничную природу, что вызвано архитектурой самой сети. Это способствует развитию и росту всей интернет-преступности независимо от ее видов и категорий. Интернет позволяет совершать многочисленные общественно опасные деяния на территории любой страны в мире с домашнего компьютера, находящегося в другом государстве. Кроме этого, глобальная сеть способствует кооперации и консолидации международных организованных преступных группировок и сообществ независимо от вида совершаемых преступлений.

Во-вторых, одним из принципов интернет-технологии является анонимность, что, в первую очередь, обеспечивает преимущества для всех форм мошенничества и обмана. Анонимность позволяет публиковать информацию любого свойства с минимальным риском понести уголовную или иную ответственность. Анонимность не только дает преимущества в размещении преступной информации, но и влияет на увеличение спроса на нее. Так, например, востребованная некоторой категорией лиц детская порнография может анонимно воспроизводиться, тиражироваться и просматриваться педофилами в Интернете без угрозы огласки и наступления для них негативных последствий. Выходит, что анонимность Интернета способствует созданию устойчивого спроса на информацию аморального, безнравственного, антиобщественного и преступного характера.

В-третьих, Интернет имеет огромный потенциал для охвата глобальной аудитории, делая возможным совершать беспрецедентные по количеству потерпевших преступления. Использование Интернета для совершения преступлений зачастую позволяет многократно увеличить наносимый вред и причинить негативные последствия, которые будут проявляться на протяжении длительного времени, что несравнимо с обычными общественно опасными деяниями. Как известно, ИГИЛ² благодаря Интернету получил неограниченные возможности в сфере вербовки новых членов, перевозки их в места вооруженных конфликтов, снабжения оружием и сбора материальных средств для реализации их преступных планов. Так, например, координация терактов в Париже

¹ URL: <https://www.torproject.org/>

² Организация «Исламское государство Ирака и Леванта», признанная в России террористической.

в 2015 г. производилась посредством популярных интернет-сервисов для обмена сообщениями «Telegram» и «WhatsApp» с шифрованием, недоступным спецслужбам, также использование этих сервисов повысило результативность действий по вербовке новых террористов³.

В-четвертых, сложности в борьбе с преступностью и правовом регулировании интернет-пространства дают определенные преимущества преступникам, использующим глобальную сеть, создают распределение основных узлов сети и их взаимозаменяемость. Например, несмотря на все усилия китайского правительства по ограничению доступа на своей территории к нежелательной экстремистской, протеррористической, антисоциальной информации, существует достаточно много общеизвестных возможностей по обходу запрета [4. С. 5; 5. С. 22].

Перечисленные характеристики подходят и для сети Darknet и даже более явно проявляются. Так, данная сеть является еще более анонимной, более разветвленной, предоставляет большую трансграничность. Только охват аудитории уступает общедоступной сети Интернет. О повышенной анонимности такой сети свидетельствует то, что Эдвард Сноуден, например, использовал ее для передачи в СМИ информации о совершенно секретном комплексе мероприятий, осуществляемых Агентством национальной безопасности США с целью негласного массового сбора информации, передаваемой по коммуникационным сетям [6. С. 650]. Кроме того, в сети Darknet используются сложные системы шифрования, что серьезно затрудняет доступ правоохранительных органов к передаваемой информации даже при наличии полномочий.

По мнению некоторых исследователей, хотя компьютерные технологии в целом нейтральны и не могут быть деструктивными, тем не менее, возможности, предоставляемые Darknet, способствуют проявлению их антисоциального и криминального характера. В данной сети процветают расистские сайты, наркоторговля, онлайн проституция, терроризм, а также распространение информации и средств для кибервзлома [7.

С. 31]. В «теневом Интернете» свободно распространяется порнография, в том числе детская [8. С. 238], продаются оружие и боеприпасы [9], доступны украденные данные кредитных карт [10. С. 210] и т. д.

Проведенный нами контент-анализ одного из популярных русскоязычных сайтов «теневого интернета» RussianSilkRoad, который позаимствовал часть имени у наиболее известного рынка Darknet, показал, что на момент исследования⁴ на сайте было размещено 433 объявления, из них 208 посвящено психоактивным веществам, половине из которых составляют предложения каннабиса (97), остальные – стимуляторов (71), эйфоретиков (18), психоделиков (19). Кроме того есть раздел «Цифровые товары» (116 объявлений), где продают доступ к взломанным сайтам, базы данных госорганов, раздел «Документы, деньги» (44 объявления), где можно заказать удостоверения, автодокументы и сканированные изображения чужих документов, а также раздел «Карты, SIM, аккаунты» (42 объявления) с предложениями данных кредитных карт и платежных данных.

На форуме данного сайта есть даже разделы московских «магазинов» наркотиков, как они сами себя называют, с броскими слоганами: «LaCokaNostra. [Москва] моментальные адреса и предзаказ. Амфетамин LCN classic (97%, Лаборатория Картеля LCN). Шишки LCN Amnesia. Кокаин Южная Америка. Опт и розница. Своя лаборатория. Работаем с 2011 года. Старейший магазин русского тора» или «WEED 4 TWENTY SHOP. [Москва] Моментальный магазин 24/7. Готовые закладки! Колумбийский Кокаин HQ. Сортные Шишки. Гашиш».

Даже на тех сайтах Darknet, которые не позиционируют себя как площадки для размещения нелегального содержимого, все равно можно найти противоправный контент. Так, на сайте Runion, который позиционирует себя как информационный сайт для пользователей Tor (Часть Darknet, которая доступна с помощью специальной компьютерной программы-браузера Tor), можно также найти объявления о продаже нелегальных товаров, таких как наркотики, поддельные документы и персональные данные банковских карт. Есть даже специ-

³ URL: http://www.upi.com/Top_News/Voices/2017/01/23/Virtual-planners-of-Islamic-State-on-dark-side-of-the-Internet/1421485199057/

⁴ Исследование проводилось 8 августа 2017 г.

альный раздел «Продавцам», в котором предлагается обязательно шифровать разговоры с клиентами, а также вводится запрет на торговлю «1. Порнухой (материалами порнографического характера), любой, в любом виде и количестве. 2. Рабами, девицами, секс-услугами».

Можно найти подробные инструкции по изготовлению в домашних условиях наркотиков, таких как метамфетамин, триметилфентанил («Крокодил»), кодеин и т. д., с обсуждением недостатков методик и путей их улучшения. Есть и раздел «Политика: власть и противодействие ей», где предлагаются темы для обсуждения: «Тактика Русского Национально-Освободительного Движения», «Как подготовиться к войне?», «Какой Вы представляете себе революцию в России?», «Снайперский терроризм».

На сайте «RAMP: Russian Anonymous Marketplace» размещены не только предложения приобретения наркотических средств и психотропных веществ (всего 3 994 объявления), но и вакансии так называемого «закладчика», или «кладмена». Наркотики через Интернет, в том числе Darknet, продаются следующим образом: сначала происходит авансовая оплата на сайте, затем наркоторговец оставляет наркотик в каком-либо укромном месте и посылает сообщение с местом размещения товара («закладки»). Люди, которые «закладывают» наркотик, и называются «закладчиками» или «кладменами». Оплата за такую работу начинается от 100 рублей за одну «закладку», но, судя по объявлениям, сумма зависит от размера партии и района города. Чаще всего в таких объявлениях местом работы указываются Москва или Санкт-Петербург, но встречаются и многие другие крупные российские города. В месяц, исходя из объявлений, размещенных на сайте, зарплата таких нелегальных работников доходит до 100 000–150 000 рублей. Тот факт, что наркоторговцы открыто нанимают работников для своего нелегального бизнеса через Интернет, свидетельствует о чувстве полной безнаказанности преступников при работе через Darknet.

В современных условиях торговля наркотическими средствами и психотропными веществами с использованием возможностей Интернета продолжает бурно развиваться не только в России, но и во многих других странах. Буквально на глазах меня-

ется наркорынок, предлагающий все новые наркотики, которые ранее не были известны потребителям, устанавливаются улучшенные схемы оплаты и доставки приобретенного наркотика. В последнее время для удобства расчетов созданы на анонимных сайтах популярные и широко востребованные так называемые интернет-кошельки. После прошедшей оплаты наркотик курьером доставляется в указанное место и оставляется в виде «закладки». Перечень подобных мест в городах и населенных пунктах России достаточно широк, во многом ограничивается только фантазией наркоторговцев. «Закладки» наркотиков делаются в укромных местах под перилами, скамейками, ограждениями, решетками, наркотики прячут в подвальных помещениях, незаметно прикрепляют к деревьям, закладывают камнями и т. д.

Высокая скорость компьютеризации наркоторговли во многом вызвана объемом доходов в сфере незаконного оборота наркотиков. По данным ФСКН РФ, 8 млн российских наркопотребителей ежедневно тратят на наркотики 4,5 млрд рублей, выводя тем самым из ВВП страны до 1,5 трлн рублей ежегодно. «А это в 1,5 раза больше бюджета Министерства обороны и в 3,5 раза – бюджета Министерства здравоохранения. А реальный ежегодный ущерб экономике страны составляет цифру в три раза большую, то есть как минимум 4 триллиона рублей» [1].

Исследования показывают, что Darknet привлекателен не только для незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, но и для осуществления террористической и экстремистской деятельности. Во-первых, в Darknet террористические группы могут найти практически любые необходимые рекомендации и улучшенные схемы для повышения эффективности своей деятельности, среди них: легализация преступно заработанных доходов, шифруемые каналы связи, наем исполнителей, включая потенциальных смертников для террористических атак в реальном мире и кибератак. Во-вторых, Darknet содержит подробную информацию по изготовлению взрывчатых веществ и оружия массового поражения, руководства по вербовке, тренировке, психологической обработке, формированию мотивации у террористов. В-третьих, в Darknet специально

создаются официальные сайты для террористических групп, которые, не боясь преследования, контактируют и взаимодействуют. Так поступала, например, известная террористическая организация Аль Каида [2. С. 197]. Сайты террористического и экстремистского содержания предоставляют самую разную информацию – от того, как избежать излишнего внимания правоохранительных органов до способов удаления следов крови и сокрытия иных последствий совершенных преступлений.

Достаточно доступна информация по изготовлению взрывчатых веществ в домашних условиях, с помощью простых поисковых запросов можно найти технологии под любой бюджет и степень подготовленности человека, намеревающегося это сделать⁵. Широко распространена «Поваренная книга анархиста» (англ. Anarchist Cookbook), где более чем половина из 219 разделов посвящена изготовлению взрывчатых и воспламеняющихся веществ, а слово «бомба» (англ. bomb) встречается 179 раз.

Большая часть незаконных продаж в Darknet осуществляется посредством криптовалют, в основном BitCoin. С помощью криптовалют можно купить все что угодно, от букета цветов до персонального компьютера, и практически все незаконные платежи в настоящее время осуществляются посредством таких валют [12. С. 144]. Преимуществом BitCoin является то, что он может быть не связан ни с каким государством или конкретным банком, что обеспечивает беспрецедентную анонимность и неотслеживаемость прохождения платежа. У системы отсутствует какой-либо административный центр или узел администрирования, поэтому собрать сводку о проводимых транзакциях трудно, кроме того, из-за высокой трансграничности системы вряд ли юрисдикция какого-либо государства распространяется на контроль таких платежей.

Как написано на одном из сайтов, посвященных Bitcoin, «Биткойн функционирует без какого-либо контролирующего органа или центрального банка; обработка транзакций и эмиссия осуществляются коллективно участниками сети. Биткойн имеет открытый исходный код; его архитектура известна всему миру, никто не владеет и не контро-

лирует Биткойн, но все могут стать участниками сети. Благодаря своим уникальным свойствам, Биткойн открывает новые горизонты возможностей, которые не предоставляла до этого ни одна платежная система»⁶.

Список деструктивного и противоправного в Darknet не ограничивается только указанными видами деятельности, он продолжает увеличиваться и совершенствоваться. Например, в последнее время хакеры стали активно взламывать базы компаний и красть важные данные, затем выставлять украденную информацию на продажу в так называемом даркнете. В 2014 г. на нелегальных рынках даркнета появились данные 500 миллионов украденных аккаунтов Yahoo и 400 тысяч взломанных учетных записей uTorrent. По данным Yahoo, в 2013 г. хакеры взломали более миллиарда аккаунтов пользователей [13].

К сожалению, в ряде случаев преступный мир гораздо быстрее адаптируется к технологическому прогрессу, законодательство, регулирующее данную сферу деятельности, не успевает, оно тяжело и консервативно. Также требуется много времени, чтобы перестроить всю систему правоохранительных органов с учетом возникновения новых опасных реалий. Преступники разных специализаций, не обремененные бюрократическими процедурами и требованиями по соблюдению прав человека, освоили «теневого Интернет» за достаточно короткий срок. Несмотря на отдельные победы, закрытие некоторых сайтов в Darknet, применение иных запретительных мер, судя по представленным в настоящем исследовании материалам, преступники чувствуют себя относительно безопасно в этой части сети.

Предоставляя многочисленные преимущества в виде высокой анонимности, децентрализации хранимой информации, шифрования коммуникаций, «теневого Интернет» является своего рода уникальным созданием для использования преступным миром его неограниченных возможностей. К сожалению, на данную проблему практически не обращает внимания российское научное сообщество (хотя существуют исключения [6]), в отличие от журнала «Хакер», в электронной версии которого только за 2016 г. вышло 9 статей по данной тематике.

⁵ Авторы использовали поисковые системы Torch и Candle.

⁶ URL: <https://bitcoin.org/ru/>

Представляется, что преступность в Darknet является угрозой обществу уже сейчас, и по научным публикациями и принимаемым мерам стран – лидеров технологической революции это отчетливо видно (Северная Америка, Западная Европа, Китай, Южная Корея, Япония). Для борьбы с преступлениями в Darknet, которые стали широко распространены, необходимо адаптировать законодательство, чтобы преодолеть трансграничность, совершенствовать методы работы правоохранительных органов, а также методику подготовки высокопрофессиональных специалистов, прежде всего программистов, юристов.

Следует признать, что российский юридический научный мир и выстроенная система правоохранительных органов в настоящее время еще не готовы воспринять появление новых реальных угроз современного мира, не уделяют должного внимания к возникшим проблемам, подрывающим безопасность нашего государства, серьезно опаздывают в принятии действенных и эффективных решений.

На наш взгляд, простого решения данной проблемы не существует. Конечно, можно пойти уже опробованным путем: принятие запретительных законов, установление жестких санкций, принудительное закрытие сайтов, содержащих вредоносную информацию. Путь этот сложный, трудоемкий, затратный и малоэффективный.

Специалисты отмечают, что в настоящее время данный путь запретов кажется наиболее простым, популярным и предпочтительным, поэтому продолжают возрастать категории запрещенной информации, вносятся все новые запретительные меры в виде законодательных инициатив. Так, изначально блокировка касалась только детской порнографии и наркотиков, потом был принят антипиратский закон, в настоящее время даже такие госорганы, как налоговая служба, имеют право на внесудебное ограничение доступа и блокировки сайтов [14]. В соответствии с п. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ для доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Феде-

рации запрещено, создается «Единый реестр доменных имен», указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать блокируемые сайты.

Органом, ответственным за блокировку сайтов, является Роскомнадзор, который использует схему блокирования либо по IP, либо по адресу URL [15]. Так как в Darknet не используется стандартное пространство адресации, то заблокировать Darknet практически невозможно. Это не удастся даже КНР, которая имеет наиболее разработанную систему блокировки [16; 17].

Следовательно, единственным эффективным методом является не блокировка Darknet сайтов, которая технически сложна, и ее легко обойти, а работа с потенциальным потребителем негативной информации в «теневом Интернете». Как справедливо отмечают некоторые авторы, «одним из способов решения проблемы регулирования Интернета могут стать убеждение (диспозитивный метод) и систематическое просвещение, основанные на принципах саморегулирования. Убеждение может быть эффективным методом регулирования лишь при формировании высокого уровня правовой и информационной культуры» [18]. Другими словами, необходимо принять законодательные меры не только о запрете, блокировке и контроле, а главным образом, о формировании правовой, информационной культуры, повышении правосознания российского сетевого сообщества.

Darknet появился как ответ на блокировку и контроль правительствами некоторых стран доступа в Интернет [19]. Его появление свидетельствует о том, что какие бы запретительные методы борьбы с доступом к преступной информации ни применялись, будут найдены еще более современные средства обхода этих запретов. Учитывая, что человеческие и технические возможности не имеют границ, любые запретительные преграды в итоге будут преодолены, в Интернете появятся новые предложения, специальные программы, позволяющие желающим анонимно, безопасно, без каких-либо негативных последствий получить доступ к любой интересующей запретной, включая и преступную, информации.

Представляется, что в данной ситуации важно соблюсти баланс между установлением правовых запретов и введением хорошо

⁷ СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

выстроенной системы профилактических мер. Конечно, для этого нужны профессионалы высокого уровня, системный подход, эффективные образовательные, информационные, разъяснительные программы, разработанные для разных возрастных и социальных категорий граждан. А для этого, в свою очередь, требуются воля и желание власти, достаточные финансовые ресурсы, научно разработанная система мер профилактики и правового воздействия, последовательность и систематичность претворения в жизнь принятых решений.

Список литературы

1. *Хорохордин А.* Немного истории Dark-Net. URL: <http://progress.online/internet/331-nemnogo-istorii-darknet>
2. *Weimann G.* Going Dark: Terrorism on the Dark Web // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2016. Vol. 39. Issue 3. P. 195–206.
3. *Lacson W., Jones B.* The 21st Century DarkNet Market: Lessons from the Fall of Silk Road // *International Journal of Cyber Criminology*. 2016. Vol. 10. Issue 1. P. 40–61.
4. *Bradbury D.* Routing around censorship // *Network Security*. 2011. No. 5. P. 5–8.
5. *Clayton R., Murdoch S. J., Watson R. N. M.* Ignoring the Great Firewall of China // 6th International Workshop on Privacy Enhancing Technologies, PET. 2006. Vol. 4258 LNCS. P. 20–35.
6. *Узденов Р. М.* Новые границы киберпреступности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2016. Т. 10, № 4. С. 649–655.
7. *Bartlett J.* The Dark Net. New York: Random House, 2014. 224 p.
8. *O'Brien M.* The Internet, child pornography and cloud computing: the dark side of the web? // *Information and Communications Technology Law*. 2014. Vol. 23 (3). P. 238–255.
9. *Bingham T., Buxton J.* The Rise and Challenge of Dark Net Drug Markets // Policy Brief 7. Swansea University. 2015. URL: <https://www.swan.ac.uk/media/The%20Rise%20and%20Challenge%20of%20Dark%20Net%20Drug%20Markets.pdf>
10. *Wehinger F.* The dark net: Self-regulation dynamics of illegal online markets for identities and related services // *Proceedings of European Intelligence and Security Informatics Conference, EISIC*. 2011. No. 6061236. P. 209–213.
11. *Кислякова А.* Россия на игле. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/01/05/drugs/>
12. *Upadhyaya R., Jain A.* Cyber ethics and cyber crime: A deep dwelved study into legality, ransomware, underground web and bitcoin wallet // *Proceeding – IEEE International Conference on Computing, Communication and Automation*. 2016. No. 7813706. P. 143–148.
13. *Елкина В.* Что такое даркнет и почему вам нужно защитить от него свою компанию. URL: <https://rb.ru/story/darknet/>
14. *Ревич Ю.* Всех запретили, но «Интернет же не рухнул». URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/71834.html>
15. Анализ существующих методов управления доступом к интернет-ресурсам и рекомендации по их применению / Роскомнадзор. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Analysys_and_recommendations_comments_fin.pdf
16. *Ensafi R., Fifield D., Winter P., Weaver N., Paxson V.* Examining how the great firewall discovers hidden circumvention servers // *Proceedings of the ACM SIGCOMM Internet Measurement Conference, IMC*. 2015. October. P. 445–458.
17. *Bancroft A.* Responsible use to responsible harm: illicit drug use and peer harm reduction in a darknet cryptomarket // *Health, Risk and Society*. 2017. Vol. 19. Issue 7–8. P. 336–350.
18. *Антонов Я. В.* Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2017. № 7. С. 5–8.
19. *Owen M.* Fun with onion routing // *Network Security*. 2007. No. 4. P. 8–12.

L. I. Romanova, R. I. Dremlyuga

*Far Eastern Federal University
8 Sukhanov Str., Vladivostok, 690091, Russian Federation*

Romanova.li@dvfu.ru, Dremliuga.ri@dvfu.ru

CRIMEWORLD OF DARKNET

New anonymous Darknet computer network is insufficiently explored phenomenon, however, many studies confirm that this network becomes a leader in the distribution of drugs, weapons and pornography and provides services of cyber criminals and fraudsters. The article tries to answer the question, what is the illegal activity in Darknet, why criminals choose this method, and how to respond to the new challenges of law enforcement officers. It was used as a material of author's research of Darknet sites content, as well the results of international studies in recent years. The authors conclude that in this situation it is important to find a balance between an establishment of legal prohibitions and a development of a well-organized system of preventive measures.

Keywords: cybercrime, Darknet, internet crime.

References

1. Horohordin A. A. Nemnogo istorii DarkNet [Short history of DarkNet]. URL: [http:// progress.online/internet/331-nemnogo-istorii-darknet](http://progress.online/internet/331-nemnogo-istorii-darknet) (in Russ.)
2. Weimann G. Going Dark: Terrorism on the Dark Web. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2016, vol. 39, issue 3, p. 195–206.
3. Lacson W., Jones B. The 21st Century DarkNet Market: Lessons from the Fall of Silk Road. *International Journal of Cyber Criminology*, 2016, vol. 10, issue 1, p. 40–61.
4. Bradbury D. Routing around censorship. *Network Security*, 2011, no. 5, p. 5–8.
5. Clayton R., Murdoch S. J., Watson R. N. M. Ignoring the Great Firewall of China. *6th International Workshop on Privacy Enhancing Technologies, PET*, 2006, vVol. 4258 LNCS, p. 20–35.
6. Uzdénov R. M. Novyye Granitsy Kiberprestupnosti [New Borders of Cybercrime]. *Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, p. 649–655 (in Russ.)
7. Bartlett J. The Dark Net. New York, Random House, 2014, 224 p.
8. O'Brien M. The Internet, child pornography and cloud computing: the dark side of the web? *Information and Communications Technology Law*, 2014, vol. 23 (3), p. 238–255.
9. Bingham T., Buxton J. The Rise and Challenge of Dark Net Drug Markets. *Policy Brief 7*. Swansea University, 2015. URL: [https://www.swan.ac.uk/media/The%20Rise%20and%20 Challenge%20of%20Dark%20Net%20Drug%20Markets.pdf](https://www.swan.ac.uk/media/The%20Rise%20and%20Challenge%20of%20Dark%20Net%20Drug%20Markets.pdf)
10. Wehinger F. The dark net: Self-regulation dynamics of illegal online markets for identities and related services. *Proceedings – 2011 European Intelligence and Security Informatics Conference, EISIC*, 2011, no. 6061236, p. 209–213.
11. Kislyakova A. Rossiya na igle [Russia uses the needle]. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/01/05/drugs/> (in Russ.)
12. Upadhyaya R., Jain A. Cyber ethics and cyber crime: A deep dwelled study into legality, ransomware, underground web and bitcoin wallet. *Proceeding – IEEE International Conference on Computing, Communication and Automation, ICCCA*, 2016, no. 7813706, p. 143–148.
13. Elkina V. Chto takoye darknet i pochemu vam nuzhno zashchitit' ot nego svoyu kompaniyu [What is a darknet and why you need to protect your company from it]. URL: <https://rb.ru/story/darknet/> (in Russ.)
14. Revich Y. Vsekh zapretili, no «internet zhe ne rukhnul» [All banned, but "the Internet did not collapse"]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/71834.html> (in Russ.)
15. Analiz sushchestvuyushchikh metodov upravleniya dostupom k Internet-resursam i rekomendatsii po ikh primeneniyu [Analysis of existing methods for managing access to Internet

resources and recommendations for their application]. Published by Roskomnadzor. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Analysys_and_recommendations_comments_fin.pdf (in Russ.)

16. Ensafi R., Fifield D., Winter P., Weaver N., Paxson V. Examining how the great firewall discovers hidden circumvention servers. *Proceedings of the ACM SIGCOMM Internet Measurement Conference, IMC*, 2015, October, p. 445–458.

17. Bancroft A. Responsible use to responsible harm: illicit drug use and peer harm reduction in a darknet cryptomarket. *Health, Risk and Society*, 2017, vol. 19, issue 7-8, p. 336–350.

18. Antonov Ya. V. Politiko-pravovyye problemy razvitiya mekhanizmov elektronnoy demokratii v Rossiyskoy Federatsii [Politiko-legal problems of development of mechanisms of electronic democracy in the Russian Federation]. *The Russian Justice*, 2017, no. 7, p. 5–8. (in Russ.)

19. Owen M. Fun with onion routing. *Network Security*, 2007, no. 4, p. 8–12.

For citation:

Romanova L. I., Dremlyuga R. I. Crimeworld of Darknet. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 52–60. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-52-60

С. А. Балеев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, 420008, Россия*

s.a.baleev@gmail.com

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО К НЕМУ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Статья посвящена проблеме ответственности за провокацию преступления, определению пределов правомерности использования провокационных методов при раскрытии преступлений оперативными аппаратами правоохранительных органов. Обосновывается необходимость криминализации провокационной деятельности не только применительно к получению коммерческого подкупа и взятки, но и других преступлений. Автор считает, что нельзя рассматривать в качестве провокации тактические приемы, используемые оперативными аппаратами при проведении ряда оперативно-розыскных мероприятий, назначение и условия проведения которых регламентируются Федеральным законом. Высказывается предложение о включении в гл. 8 Уголовного кодекса РФ самостоятельной нормы об исключении уголовной ответственности специальных субъектов при соблюдении условий правомерности проведения таких мероприятий.

Ключевые слова: провокация преступления, подстрекательство, провокационные методы, правомерность, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности.

Одной из проблем, обсуждаемых научным сообществом и требующих практической реализации, остается вопрос ответственности за провокацию преступления, поскольку она напрямую связана не только с выработкой мер предупреждения и пресечения провоцирования преступлений, но и с определением пределов допустимости использования провокационных методов при раскрытии преступлений оперативными аппаратами правоохранительных органов.

В действующем отечественном уголовном законодательстве до сего дня отсутствуют нормы, позволяющие решить названную проблему. Как известно, понятие провокации формулируется лишь применительно к провокации получения взятки либо коммерческого подкупа в ст. 304 УК РФ, регламентирующей основание уголовной ответственности за эти деяния. Однако вне сферы уголовно-правового регулирования остаются многие другие преступления, которые могут быть спрово-

цированы, как, например, та же провокация дачи взятки, причинения вреда жизни и здоровью, преступлений против собственности, связанных с незаконными действиями с предметами, изъятыми из гражданского оборота (наркотики, оружие и проч.).

Во всех подобных ситуациях встает вопрос о правовой оценке деятельности провокатора. Отвечая на него, Н. С. Таганцев предлагал считать действия агентов-провокаторов уголовно наказуемыми и оценивать как подстрекательство [1. С. 348–349]. Эту же позицию в доктрине советского уголовного права занимали А. Н. Трайнин [2. С. 103] и А. А. Пионтковский [3. С. 573].

Б. В. Волженкин также отстаивал позицию о неприемлемости провокации в деятельности правоохранительных органов: «Современные технические средства, имеющиеся на вооружении оперативных подразделений, при умелом их использовании с соблюдением установленного законом по-

рядка позволяют без всякой провокации выявлять лиц, пытающихся получить взятку, и благодаря этому пресекать данную преступную деятельность. Провокация не может быть разрешена в качестве метода борьбы с коррупцией» [4. С. 43].

Современная уголовно-правовой наука единого понятия провокации не выработала, остается дискуссионным вопрос о ее признаках, нет однозначности в определении степени ее общественной опасности, основания и пределов ответственности при совершении преступления самого провокатора и спровоцированного им лица. Отдельные авторы предлагают даже включить самостоятельную норму о провокации преступления в главу о соучастии в преступлении. Вместе с тем провокация преступления и подстрекательство к совершению преступления как вид соучастия не только не являются тождественными понятиями, но и имеют различную правовую природу. Поэтому действия провоцирующего лица не могут квалифицироваться по правилам института соучастия.

Уголовное законодательство Франции рассматривает провокацию как способ подстрекательства к преступлению, т. е. как разновидность соучастия. Так, в соответствии с абз. 2 ст. 121-7 УК Франции соучастником (подстрекателем) признается не только лицо, которое склонило другого к преступлению¹, но и спровоцировало преступное деяние. Подстрекательство путем провокации считается видом соучастия только в преступлении с материальным составом, когда факт наступления последствий является обязательным, а также при условии, что она адресуется непосредственно исполнителю, осуществляется способами, прямо указанными в этой статье, либо сопровождается предоставлением тех средств, которые в ней указаны. Таким образом, уголовное законодательство Франции рассматривает провокацию как один из элементов соучастия.

Как известно, согласно отечественной уголовно-правовой доктрине в качестве объективных признаков соучастия различаются количественный признак (два и более лица) и совместность. Однако некоторые

исследователи предлагают считать таковым и общий преступный результат, который в качестве самостоятельного объективного признака рассматриваться не может, поскольку выступает лишь элементом совместности [5. С. 117]. Такое понимание признаков соучастия приводит автора к выводу о том, что признак совместности «применительно к преступлению, совершенному в результате провокации может вполне определенно быть установленным» [5. С. 118]. С этим согласиться нельзя, поскольку коренное отличие провокации от подстрекательства как раз и состоит в том, что при провокации преступления отсутствуют не только согласованность и взаимная осведомленность (двусторонняя субъективная связь), но и совместность участия как обязательный объективный признак соучастия в преступлении. Провокация направлена не на совместное достижение общего и желаемого в той или иной мере преступного результата, а в целях изобличения спровоцированного лица в совершенном преступлении.

В отличие от соучастия в преступлении и такой его разновидности, как подстрекательство, юридическая природа провокации преступления состоит в том, что, хотя провокационные действия и преследуют цель вовлечения другого субъекта в совершение преступления, они характеризуются с субъективной стороны односторонней связью, поскольку являются умышленными для провокатора и не охватываются сознанием провоцируемого.

Специфика провокации состоит также и в том, что в ее результате не имеют место не только последствия собственно самой провокации, но и последствия, наступившие в результате совершения лицом спровоцированного преступления. Поэтому совершение провоцируемым лицом преступления вследствие провокации повышает общественную опасность последней.

Еще один аспект проблемы заключается в уголовно-правовой оценке поведения субъекта оперативно-розыскной деятельности, формально содержащего признаки провоцирующего поведения, при документировании преступления в ходе проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об опера-

¹ Уголовный кодекс Франции. URL: Crimpravo.ru/codecs/france/doc

тивно-розыскной деятельности»². К таким мероприятиям ст. 8 названного Закона относят проверочную закупку, оперативное внедрение, контролируруемую поставку и оперативный эксперимент. Так, например, в отличие от провокации оперативный эксперимент направлен не на вовлечение лица в совершение преступления с целью его изобличения, а на подтверждение уже имеющихся сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном таким лицом преступлении.

Однако в подобных ситуациях вопрос об ответственности лица, внедренного в преступную среду и выполняющего задание сотрудника правоохранительного органа по документированию в целях последующего процессуального закрепления фактов взятничества, незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, оружия, остается законодательно не урегулированным.

При проведении проверочной закупки привлекаемые на добровольной основе к ее осуществлению лица по заданию оперативных работников, как правило, фактически совершают деяние, образующее состав преступления, предусмотренный ст. 228 УК РФ – приобретение наркотических средств либо других предметов названного преступления.

Так, судом установлено, что для задержания с поличным гражданина С. сотрудниками УФСН РФ по РТ для проведения проверочной закупки, в ходе которой наркотическое средство было изъято из оборота, в качестве лица, имитирующего роль покупателя наркотических средств, был привлечен гражданин А.³

Аналогичное мероприятие проведено сотрудниками УФСН России по РТ в отношении Х., к которому с целью приобретения наркотического средства – гашиш – обратилась И., оказывавшая содействие оперативным работникам. Х., за 1800 рублей передал «покупательнице» наркотическое средство гашиш массой не менее 2,2 грамма, которая добровольно выдала приобретенное наркотическое средство инициатору оперативно-розыскного мероприятия, после чего подозреваемый был задержан, а в последующем

осужден по ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ⁴.

В приведенных нами примерах такие лица освобождены от ответственности с применением положений п. 1 примечания к ст. 228 УК РФ в связи с добровольной выдачей предмета преступления.

Однако практика свидетельствует, что возможны ситуации, когда негласные сотрудники совершают действия, формально образующие состав преступления, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотических средств, психотропных веществ и др.). Какие варианты вывода негласных сотрудников из оперативной разработки возможны, если в названной статье норма об освобождении от ответственности отсутствует?

Уголовный закон не содержит предписаний, регламентирующих порядок освобождения от уголовной ответственности участников оперативных мероприятий в подобных случаях.

В литературе обосновывается возможность признания провокации преступления в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния в рамках положений гл. 8 УК РФ [6. С. 21].

Как отмечает С. Н. Радачинский, провокация может иметь место при проведении оперативно-розыскных мероприятий в целях предотвращения совершения более тяжких преступлений. В этом случае автор считает это действие общественно полезным, хотя и причиняющим вред охраняемому объекту [6. С. 97].

Провокация преступления – это преступное деяние, поэтому ст. 5 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает запрет на провокацию, она не может являться «актом оперативно-розыскных служб», как отмечается в литературе [5. С. 39], и должна влечь за собой уголовную ответственность.

Считаем, что нельзя считать провокацией тактические приемы, используемые при проведении таких оперативно-розыскных мероприятий как проверочная закупка, контролируемая поставка и оперативный эксперимент, назначение и условия проведения которых регламентируются Федеральным законом.

² СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

³ Приговор по уголовному делу № 1-91/2014. Архив Советского районного суда г. Казани. 2014.

⁴ Уголовное дело № 1-447/2014. Архив Советского районного суда г. Казани. 2014.

Вместе с тем в настоящее время в целях законного выведения негласного сотрудника из оперативной разработки правоохранительные органы вынуждены обращаться к нормам, регламентирующим основания и условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и его разновидностями (ст. 75–76.2).

Примерный уголовный кодекс США в специальной норме о провокации преступления определяет ее понятие, регламентируя ответственность за нее вне рамок института соучастия в преступлении: «Публичное должностное лицо, осуществляющее исполнение закона, или лицо, действующее в сотрудничестве с таким должностным лицом, совершает провокацию, если с целью получения доказательств совершения посягательства оно побуждает или поощряет другое лицо к поведению, составляющему это посягательство, путем... применения методов убеждения или побуждения, создающих существенный риск того, что такое посягательство будет совершено иными лицами помимо тех, которые готовы его совершить» [4. С. 27].

Провокация в деятельности спецслужб США признается неправомерной и рассматривается как «вовлечение в ловушку», в частности в тех случаях, когда негласный сотрудник с целью последующего уголовного преследования побуждает лицо к совершению преступления, которое тот не планировал совершать [7. С. 98]. Поведение агента, который просто предоставляет лицу возможность совершить задуманное посягательство, не может быть признано неправомерным.

Представляется, что и в деятельности российских спецслужб, ведущих борьбу с преступностью, тактические приемы по созданию условий для совершения преступления могут и должны признаваться правомерными в тех случаях, если они используются: 1) лицом, участвующим в соответствии с определенными Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственными нормативно-правовыми актами полномочиями в проведении таких оперативно-розыскных мероприятий, как проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент); 2) при наличии опасности, угрожающей правоохраняемым инте-

ресам в виде подготовки и совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, которая в сложившейся ситуации не устраняема другими способами; 3) причиненный вред при этом должен быть меньшим, нежели вред предотвращенный.

По нашему мнению, самостоятельная норма об исключении уголовной ответственности специальных субъектов при соблюдении названных выше условий должна, наконец, найти свое место среди других обстоятельств, исключающих уголовную ответственность в гл. 8 УК РФ.

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
2. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. 388 с.
3. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М., 1961. 666 с.
4. Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43–45.
5. Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 196 с.
6. Радачинский С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 367 с.
7. Уголовное право зарубежных стран: Учеб. пособие / Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 2013. 132 с.

S. A. Baleev

*Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation*

s.a.baleev@gmail.com

PROVOCATION CRIMES AND INCITEMENT: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION

The article is devoted to the problem of responsibility for the provocation of the crime, define the limits of the permissibility of the use of provocative methods in criminal intelligence apparatuses of law enforcement. The necessity of criminalizing provocative activities not only for production of commercial bribery and bribery and other crimes. However, the author believes that it is impossible to consider as a provocation tactics used by the intelligence apparatuses in carrying out such operatively-search actions, as a test purchase, controlled delivery and operational experiment, whose purpose and conditions are governed by Federal law. There is a proposal for inclusion in Chapter 8 of the criminal code a separate provision on the exclusion of criminal responsibility of the special subjects under the conditions of the legality of such events.

Keywords: provocation crimes, incitement, provocative methods, detection of crime, the conditions of legality, criminal responsibility, exemption from criminal responsibility.

References

1. Tagantsev N. S. Russkoye ugovnoye pravo: lektsii. Thast obthaya [Russian criminal law: Lectures. The portion of the total]. In 2 vols. Moscow, 1994, vol. 1, 380 p. (in Russ.)
2. Traynin A. N. Utheniye o southastii [The doctrine of complicity]. Moscow, 1941, 388 p. (in Russ.)
3. Piontkovsky A. A. Utheniye o prestuplenii po sovetskomu ugovnomu pravu. Kurs sovet-skogo ugovnogo prava: Obshchaya chast [Doctrine about a crime on the Soviet criminal law. The course of Soviet criminal law: the General part]. Moscow, 1961, 666 p. (in Russ.)
4. Volzhenkin B. V. Dopustima li provokatziya kak metod borbi s korruptziyey? [Is provocation Permissible as a method of fighting corruption?]. *The Russian Justice*, 2001, no. 5, p. 43–45. (in Russ.)
5. Dudarenko V. V. Yuriditheskaya priroda provokatzii prestupleniya [The Legal nature of provocation of crime]. Dis. ... kand. the faculty of law. sciences. Ekaterinburg, 2017, 196 p. (in Russ.)
6. Radachinsky S. N. Provokatziya prestupleniya kak kompleksniy institut ugovnogo prava: problemi teorii i praktiki [Provocation of crime as a complex Institute of criminal law: problems of theory and practice]. Doctor the faculty of law sciences. Nizhny Novgorod, 2011, 367 p. (in Russ.)
7. Ugovnoye pravo zarubezhnykh stran [Criminal law of foreign countries]. St. Petersburg Law Institute (branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation. St. Petersburg, 2013, 132 p. (in Russ.)

For citation:

Baleev S. A. Provocation Crimes and Incitement: Problems of Differentiation. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 61–65. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-61-65

УДК 34.96; 343.98

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-66-75

Н. Т. Леоненко

*Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия*

lnnk@yandex.ru

КОЗИЦИН ЯКОВ МАКСИМОВИЧ: ЖИЗНЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Статья посвящена приближающемуся 80-летию организации высшего юридического образования в Новосибирской области – значимому событию для всего юридического сообщества Сибирского региона, которое будет отмечаться в сентябре 2019 г. Первым и долгое время единственным высшим учебным заведением по подготовке юридических кадров в Новосибирской области был Новосибирский филиал Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), преобразованный позднее в Новосибирский факультет Свердловского юридического института. На протяжении 19 лет этот филиал возглавлял ветеран Великой Отечественной войны, орденосец, заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, доцент Яков Максимович Козицин. В статье описывается профессиональный путь, научно-педагогическая и организаторская деятельность ученого, внесшего значительный вклад в развитие юридического образования и юридической науки в Новосибирской области, дается ретроспективный анализ его научных интересов в сфере криминалистики. В марте 2019 г. будет отмечаться 100-летний юбилей экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Это еще один повод воздать должное ученому, посвятившему свои исследования проблемам разработки криминалистической тактики и методики. Представлена также деятельность ученого в качестве государственного деятеля, просветителя и организатора юридического образования и юридической науки в Сибирском регионе. Методологической основой исследования послужили исторический, логический и системный методы. На основе обобщения научных и литературных источников, собственных мировоззренческих установок автор делает вывод о необходимости изучения опыта предшествующих поколений, его сохранения и передачи молодым ученым.

Ключевые слова: ветеран, декан, депутат, кадровая политика, криминалистика, наука, факультет, юридическое образование.

В 2019 г. исполняется 80 лет со дня открытия в г. Новосибирске первого высшего учебного заведения по подготовке юридических кадров – Новосибирского филиала Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ)¹. Его история неразрывно связана с историей становления и развития юридического образования в Сибири. На протяжении длительного времени он оставался единственным учебным заведением, выпускающим специалистов с высшим юридическим образованием. В 1960 г. Новосибирский филиал ВЮЗИ был преобразован в Новосибирский юридический факультет ВЮЗИ, а с 1963 г. он вошел в состав Свердловского юридического института. С этого времени на протяжении девятнадцати лет Я. М. Козицин был его бессменным руководителем.

Яков Максимович Козицин родился 1 января 1922 г. в с. Воробьево Шипуновского района Алтайского края в многодетной крестьянской семье.

¹ Ныне – Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Перед войной он блестяще окончил сначала среднюю школу, а затем, в 1940 г., юридическую школу Народного Комиссариата Юстиции РСФСР в г. Новосибирске, куда был направлен по комсомольской путевке. Еще в довоенном 1940 г. стал следователем прокуратуры Центрального района г. Новосибирска. С января по февраль 1942 г. работал следователем оперативной группы при Прокуроре СССР. В августе 1942 г. вступил в члены ВКП(б).

После ускоренной подготовки в 1-м Томском артиллерийском училище с сентября 1942 по май 1945 г. воевал на фронтах Великой Отечественной войны в составе Воронежского, 3-го Украинского фронтов на должностях командира взвода разведки, начальника разведки артиллерийского полка, командира батареи, помощника начальника штаба артиллерийского полка и артиллерийской бригады. Участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии.

За военные подвиги Яков Максимович Козицин награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной Войны II степени, медалями «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими медалями.

После демобилизации из армии в звании капитана артиллерии в отставке с мая 1947 г. в течение пятнадцати лет Яков Максимович работал в органах прокуратуры и прошел путь от следователя до прокурора следственного отдела прокуратуры Новосибирской области.

В 1953 г. после окончания ВЮЗИ был приглашен на преподавательскую работу в Новосибирский филиал этого вуза на условиях совместительства. С мая 1960 по январь 1963 г., являясь штатным сотрудником Новосибирского факультета ВЮЗИ, работал старшим преподавателем, а затем заместителем декана. «Помнится, в шестидесятом году, – вспоминал Яков Максимович, – в город приехал ректор Всесоюзного юридического заочного института, профессор Константин Андреевич Мокичев, в недавнем прошлом заместитель Генерального прокурора СССР. Ознакомившись с деятельностью подведомственного ему факультета, пообщавшись с преподавателями, нанес визит прокурору: “Отдай мне Козицина”. Прокурор в ответ, мол, и рад бы отдать, да самому нужен. Но Мокичев проявил настойчивость, подключил Обком партии и своего добился. Так я и стал в том же году штатным старшим преподавателем, затем заместителем декана» [1. С. 38].

В 1963 г. факультет был включен в состав Свердловского юридического института – одного из крупнейших в России вузов по подготовке юристов. Первым деканом Новосибирского факультета Свердловского юридического института в январе 1963 г. стал Я. М. Козицин. Совмещая административную работу с научной и преподавательской деятельностью, он размещает в сборниках аспирантских работ ряд исследований по вопросам методики расследования хищений, совершенных с использованием банковских операций (см., например, [2]). В журнале «Социалистическая законность» публикует статью «Усилить финансовый контроль за расходованием денежных средств» (в соавторстве) (0,25 п. л.) [3] и др. Преподает учебную дисциплину «Криминалистика» и спецкурс «Судебная психология».

25 июня 1965 г. в Саратовском юридическом институте им. Д. И. Курского защищает диссертацию на тему «Расследование хищений государственного и общественного имущества, совершенных с использованием банковских операций» [4], и ему присуждается ученая степень кандидата юридических наук, а 3 мая 1967 г. решением Высшей аттестационной комиссии он утверждается в ученом звании доцента по кафедре «Криминалистика».

Данное диссертационное исследование явилось первой научной работой, в которой были рассмотрены некоторые проблемы расследования хищений, совершаемых с использованием банковских операций, наносящих значительный материальный ущерб государству [5. С. 197]. В диссертации показана сложность расследования указанной категории уголовных дел. Отмечается, что прежде чем приступить к расследованию указанных хищений, следователь должен ознакомиться с основными нормативными материалами, содержащими инст-

Козицин
Яков Максимович

рукции о порядке ведения учета и оформления документов; умело планировать и организовывать следствие, координировать свои действия с мероприятиями, проводимыми органами милиции, максимально использовать помощь общественности. Особое внимание в работе уделяется использованию бригадного метода при расследовании сложных дел, совершаемых большой группой в течение длительного времени [4. С. 5–6].

Автором диссертации описываются наиболее типичные и распространенные способы совершения указанных хищений, особое внимание при этом обращается на те приемы, которыми пользуются преступники для маскировки своих действий. В их числе автором рассматриваются: 1) хищения путем использования платежных поручений; 2) хищения путем использования платежных требований; 3) хищения денежных средств по чекам; 4) хищения путем использования акцептованных расчетных чеков и акцептованных платежных поручений; 5) хищения денежных средств и материальных ценностей с использованием аккредитивов; 6) хищения денежных средств и материальных ценностей с использованием расчетов через особые счета; 7) хищения с использованием объявлений о сдаче денег в банк; 8) хищения денег с использованием препроводительных ведомостей; 9) хищения с использованием ошибочных записей банка в лицевых счетах; 10) хищения денег с особых счетов по капитальному ремонту.

По результатам анализа наиболее типичных и распространенных способов хищений государственного и общественного имущества, совершенных с использованием банковских операций, автор приходит к выводу о том, что при совершении данных преступлений в них, как правило, принимает участие группа работников во главе с главным (старшим) бухгалтером или его заместителем. В преступную группу вовлекается ограниченное число лиц, без которых невозможно совершить хищение и скрыть его следы. В состав группы, кроме ответственного работника бухгалтерии, являющегося обычно организатором хищения, в каждом конкретном случае входят: кассир предприятия, учреждения, организации; заведующий складом при хищении подотчетных материальных ценностей; уполномоченные, экспедиторы при отгрузке ценностей по аккредитивам; работники бухгалтерии других организаций, предприятий и учреждений; подотчетные лица из числа работников торговли; подотчетные лица заготовительных органов; почтовые служащие, производящие операции по акцептованным платежным поручениям; отдельные граждане (родственники, знакомые), выполняющие поручения в качестве подставных лиц при получении денежных средств по чекам, переводам, расходным кассовым ордерам или при получении материальных ценностей по оформленным на их имя доверенностям. Важность изучения основных способов хищения с использованием банковских операций обосновывается необходимостью успешной борьбы с такими преступлениями [4. С. 8–9].

В диссертации исследуются вопросы назначения, подготовки, организации и проведения криминалистической и судебно-бухгалтерской экспертизы. В завершение даются научно обоснованные рекомендации по устранению причин и условий совершения хищений [4. С. 14, 16].

По материалам диссертации был опубликован ряд научных работ: «Некоторые вопросы назначения и проведения криминалистической экспертизы документов по делам о хищениях» (0,25 п. л.) [6], «Бухгалтерская ревизия при расследовании хищений, совершаемых с использованием служебного положения» (0,75 п. л.) [7], «Тактика отдельных следственных действий по делам о хищениях» (1,75 п. л.) [8], «Возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные действия по хищениям, совершенным с использованием служебного положения» (1,25 п. л.) [9], «Некоторые вопросы предупреждения хищений» (0,25 п. л.) [10].

Следует отметить, что Я. М. Козицин являлся членом редакционных коллегий и ответственным за выпуск ряда сборников, посвященных актуальным вопросам теории права.

Заслуги Якова Максимовича Козицина в формировании высококвалифицированного профессорско-преподавательского коллектива, и особенно в укреплении материально-технической базы факультета, неоспоримы. При нем в 1964 г. открывается вечернее отделение факультета. В 1966 г. состоялось новоселье в здании на улице Советской 7, где институт рас-

полагается и по сей день². Обретение собственной учебной базы благотворно повлияло на учебный и воспитательный процесс, на всю общественную жизнь, улучшило психологический и нравственный климат в коллективе. Путем перепланировки увеличилось число аудиторий, приобреталось новое оборудование, активно пополнялся библиотечный фонд.

Если в 1963 г. на факультете работало 14 штатных преподавателей и обучалось 838 студентов, то в 1965 г. в штате насчитывалось уже 35 преподавателей и обучалось 1,5 тыс. студентов. Начиная с 60-х гг. прошлого века на факультете стали работать научные студенческие кружки. Лучшие рефераты, доклады по решению совета факультета в порядке поощрения засчитывались как курсовые работы. Один раз в семестр на каждом курсе по одной из профилирующих дисциплин проводились научные студенческие конференции по заранее избранным проблемам. К середине 70-х гг. был достигнут достаточно высокий уровень подготовки будущих юристов [11. С. 58, 60].

Вспоминает выпускник Новосибирского факультета Свердловского юридического института, кандидат юридических наук, доцент Николай Николаевич Мельчинский: «...никогда не забудется отечески заботливое отношение Якова Максимовича к студентам, помощь преподавателям и сотрудникам. Кабинет декана был всегда открыт для всех, каждое дело доводилось до логического конца, помогал он работникам и в улучшении жилищных условий. Но был и жестким руководителем и в необходимых случаях строго спрашивал – вплоть до увольнения. Достоин представлял интересы факультета, пользовался большим доверием в кругу руководителей городского и областного уровня» [12. С. 90–91].

Выстроенная Я. М. Козициным кадровая политика позволила объединить большую группу людей в высокопрофессиональный творческий коллектив. Декан «выбивал» новые штатные единицы у ректора Свердловского юридического института, благодаря чему преподавательский состав постоянно возрастал. Подбор кадров происходил следующими путями. Приглашались уже «остепененные» преподаватели, приходили опытные сотрудники органов прокуратуры, адвокатуры.

В те годы в Сибири не было специализированных научно-исследовательских учреждений, разрабатывающих государственно-правовую проблематику. Научные исследования осуществлялись на юридических факультетах вузов Новосибирска, Томска, Иркутска, Красноярска, Барнаула, а также Омской высшей школы милиции силами преподавателей. Проблемы эффективности и организации юридической науки в Сибири стали предметом обсуждения на конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы Новосибирского факультета за 1966 г. Отмечалась необходимость всемерно стимулировать качественный и количественный рост научных юридических кадров Сибири. «Нельзя признать нормальным, что в Сибири работает всего несколько докторов юридических наук, что большинство преподавателей юридических учебных заведений не имеют ученых степеней. Аспиранты в этих заведениях исчисляются единицами, на подавляющей части кафедр их нет. Для повышения экономической и социальной эффективности общественных наук в Сибири надо всемерно развивать в этом районе страны юридическую науку» [13. С. 14].

Руководством факультета был взят курс на подготовку преподавателей из числа своих лучших выпускников. Именно при Якове Максимовиче на факультете появились свои «собственные» доктора юридических наук: В. М. Горшенев («Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства», Свердловск, 1969 г.) [14], Л. Б. Гальперин («Правовое регулирование отношений промышленности и торговли и пути его совершенствования», Свердловск, 1973 г.) [15], М. С. Гринберг («Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники», Свердловск, 1973 г.) [16], и девятнадцать кандидатов юридических наук. Научные работы преподавателей публиковались в виде монографий, учебных пособий, статей в центральной и местной печати. С 1967 г. факультет начал издавать собственные сборники.

Это был наиболее плодотворный период в творчестве Козицина-ученого. Сферу его научных интересов по-прежнему составляли проблемы криминалистики. Публикуется целый ряд научных работ: «Планирование расследования хищений, совершаемых с использованием

² Ныне – Новосибирский юридический институт (факультет) Томского государственного университета (НЮИ(ф) ТГУ).

служебного положения» (0,5 п. л.) [17], «Вопросы взаимодействия при расследовании хищений, совершаемых с использованием служебного положения» (1,0 п. л.) [18], «О способах хищений, совершаемых с использованием служебного положения» (1,25 п. л.) [19], «О способах хищений, совершаемых с использованием служебного положения» (продолжение) (2 п. л.) [20], «Основные вопросы тактики и методики судебного разбирательства» (1,75 п. л.) [21]. В 1975 г. было издано учебное пособие «Расследование и рассмотрение дел о хищениях, совершаемых с использованием служебного положения», в котором автор подвергает анализу теоретические и практические вопросы тактики и методики расследования дел этой категории, отмечает наиболее типичные недостатки, имеющиеся в практике, дает научно обоснованные рекомендации по улучшению борьбы с названными хищениями [22].

Деятельность ученого не ограничивалась только рамками вуза. Решением исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся 30 ноября 1971 г. были утверждены состав и положение о Координационно-методическом совете по правовой пропаганде при отделе юстиции исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся. Одним из членов этого совета стал декан Новосибирского факультета Свердловского юридического института Яков Максимович Козицин³. Основной задачей совета была разработка рекомендаций и предложений по методическому руководству и координации деятельности государственных органов и общественных организаций по пропаганде правовых знаний и разъяснению законодательства среди населения, всемерное содействие юридическим и другим учреждениям и организациям в осуществлении решений партии по правовому воспитанию трудящихся, и Яков Максимович принимал самое деятельное участие в этой работе.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 7 декабря 1978 г. декану Новосибирского факультета Свердловского юридического института Якову Максимовичу Козичину за заслуги в укреплении социалистической законности и подготовке юридических кадров присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР»⁴.

Десять созывов подряд (1961–1980 гг.) Я. М. Козицин избирался депутатом Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся (народных депутатов), членом и председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка⁵. Много лет возглавлял Новосибирский городской народный университет правовых знаний, печатался в средствах массовой информации [23–25], был главным редактором и одновременно ведущим радиотелевизионных журналов «Человек и закон», «Мораль и право». Заметим, что Новосибирский телевизионный журнал «Человек и закон» начал выпускаться на несколько лет раньше всесоюзного.

³ См.: Об утверждении Положения о Координационно-методическом Совете по правовой пропаганде при отделе юстиции облисполкома и состава Совета: решение исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся от 30 ноября 1971 г. № 783; Об утверждении состава координационно-методического совета по правовой пропаганде при отделе юстиции облисполкома: решение исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1973 г. № 462. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 1839. Л. 417–422; Д. 1965. Л. 287–289.

⁴ ГАНО. Ф. Указы Президиума Верховного Совета РСФСР. 1978. Л. 106.

⁵ См., например: Об образовании постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка: решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области (восьмой созыв, первая сессия) от 18 марта 1961 г.; Выборы постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка: решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области (девятый созыв, первая сессия) от 16 марта 1963 г.; Выборы постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка: решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области (десятый созыв, первая сессия) от 19 марта 1965 г.; Выборы постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка: решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области (одиннадцатый созыв, первая сессия) от 22 марта 1967 г.; Об избрании постоянных комиссий городского Совета: решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области (двенадцатый созыв, первая сессия) от 21 марта 1969 г.; Об избрании состава постоянных комиссий городского Совета депутатов трудящихся: решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области (тринадцатый созыв, первая сессия) от 24 июня 1971 г. НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1591. Л. 70–71; Д. 1727. Л. 71–73; Д. 1877. Л. 105–107; Д. 2056. Л. 80–82; Д. 2284. Л. 49, 56; Д. 2538. Л. 67.

В декабре 1982 г. Я. М. Козицин был освобожден от должности декана Новосибирского факультета Свердловского юридического института в связи с выходом на пенсию и переведен на должность доцента кафедры криминалистики.

Прошло немало лет, однако до сих пор с уважением и благодарностью вспоминают декана Новосибирского факультета Свердловского юридического института его ученики – заслуженные юристы Российской Федерации Н. Е. Галкина, Н. Ф. Дятлова, Л. В. Малимонова, В. П. Михайлова, Г. С. Шиблева и др.

В апреле 1997 г. в составе Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Центросоюза Российской Федерации «Сибирский университет потребительской кооперации» был организован юридический факультет, первоначально состоявший из трех кафедр: государственно-правовых наук; гражданско-правовых наук и уголовно-правовых наук. Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РСФСР Я. М. Козицин стал первым деканом юридического факультета этого вуза. С сентября 2002 по январь 2003 г. он являлся профессором кафедры гражданского и хозяйственного права Института международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

В феврале 1999 г. Яков Максимович в числе других юристов стал инициатором и учредителем общественной организации «Союз юристов Новосибирской области».

Яков Максимович жил для людей. Высокая требовательность к себе и окружающим, принципиальность сочетались в его характере с добротой.

За многолетнюю добросовестную работу и активную общественную деятельность Яков Максимович Козицин награжден Юбилейной Почетной грамотой исполнительного комитета Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся (1967 г.)⁶, юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970 г.)⁷. Общественная организация «Союз юристов Новосибирской области “Сибирская Фемида”» наградила его высшей юридической премией (наградой) (2001 г.).

Жизнь ветерана Великой Отечественной войны, орденоносца, Заслуженного юриста РСФСР, кандидата юридических наук Якова Максимовича Козицина завершилась 17 ноября 2009 г.

Юридическую профессию отца унаследовал его сын – Константин Яковлевич Козицин.

Представляется, что научные обобщения, наблюдения и практические рекомендации Я. М. Козицина по-прежнему не утратили своей актуальности для ученых-криминалистов, прокуроров и судей, а жизненный путь гражданина, ученого, организатора юридического образования, личности яркой и неординарной может быть интересен не только для юристов, но и для историков и краеведов. Необходимо сохранить память о лучших представителях юридической профессии, работавших в разные годы во славу Отечества, сберечь ее для будущих поколений. Автор надеется, что за данной статьей последует цикл других публикаций, посвященных выдающимся юристам, прославившим юридическую профессию.

Список источников

1. Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета – 65 лет / РИЦ Новосибирского отделения Союза писателей России. Новосибирск, 2004. 167 с.

2. Козицин Я. М. К вопросу о методике расследования хищений государственного и общественного имущества, совершаемых с использованием банковских операций // Вопросы го-

⁶ О награждении Юбилейными почетными грамотами Горисполкома передовых коллективов и передовиков производства в связи с пятидесятилетием Советской власти: решение исполнительного комитета Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся Новосибирской области от 18 окт. 1967 г. № 902. НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2069. Л. 82.

⁷ О награждении юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»: постановление бюро Новосибирского областного комитета КПСС, исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся и Новосибирского областного Совета профсоюзов от 24 марта 1970 г. № 55/157/3. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 1747. Л. 273.

сударства и права (Материалы теоретической конф. по плановым работам, выполненным в 1983 год; кандидатские и докторские диссертации). Свердловск, 1964. С. 127–131.

3. Безрядин Н., Козицин Я. Усилить финансовый контроль за расходованием денежных средств // Социалистическая законность. 1965. № 1. С. 58–60.

4. Козицин Я. М. Расследование хищений государственного и общественного имущества, совершенных с использованием банковских операций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1965. 16 с.

5. Шмонин А. В. Формирование общих положений методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий // Публичное и частное право. 2009. Вып. 2. С. 187–204.

6. Козицин Я. М. Некоторые вопросы назначения и проведения криминалистической экспертизы документов по делам о хищениях // Материалы конф. по итогам науч.-исслед. работы за 1965 год. Свердловск, 1966. С. 238–240.

7. Козицин Я. М. Бухгалтерская ревизия при расследовании хищений, совершаемых с использованием служебного положения // Вопросы теории советского права: Сб. докл. к конф. по итогам науч.-исслед. работы. Новосибирск, 1966. С. 154–163.

8. Козицин Я. М. Тактика отдельных следственных действий по делам о хищениях // Проблемы правоведения: Материалы конф. по итогам науч.-исслед. работы Новосибирского факультета. Новосибирск, 1967. С. 152–180.

9. Козицин Я. М. Возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные действия по хищениям, совершенным с использованием служебного положения // Труды по правоведению: Материалы к конф. Новосибирского факультета по итогам науч.-исслед. работы 1967 г. Новосибирск, 1968. С. 128–146.

10. Козицин Я. М. Некоторые вопросы предупреждения хищений // Материалы теоретической конф., посвящ. 50-летию Советской власти. Свердловск, 1968. С. 257–260.

11. Новосибирский юридический факультет Томского государственного университета // Очерки истории высшей школы Новосибирска: Сб. / Ред.: А. С. Востриков, И. А. Молототов; Новосиб. техн. ун-т. Новосибирск, 1994. С. 57–60.

12. Люди и годы. Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета. 70 лет / РИЦ Новосибирского отделения Союза писателей России. Новосибирск, 2009. 190 с.

13. Гальперин Л. Б., Козицин Я. М. Проблемы эффективности и организации юридической науки // Проблемы правоведения: Материалы конф. по итогам науч.-исслед. работы Новосибирского факультета. Новосибирск, 1967. С. 3–15.

14. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1969. 40 с.

15. Гальперин Л. Б. Правовое регулирование отношений промышленности и торговли и пути его совершенствования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 37 с.

16. Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 34 с.

17. Козицин Я. М. Планирование расследования хищений, совершаемых с использованием служебного положения // Вопросы правоведения: Материалы юбилейной науч. конф. Новосибирского факультета по итогам науч.-исслед. работы. Новосибирск, 1970. Вып. 5. С. 179–185.

18. Козицин Я. М. Вопросы взаимодействия при расследовании хищений, совершаемых с использованием служебного положения // Правовые исследования: Материалы конф. Новосибирского факультета по итогам науч.-исслед. работы. Новосибирск, 1971. Вып. 6. С. 149–162.

19. Козицин Я. М. О способах хищений, совершаемых с использованием служебного положения // Доклады конференции правоведов «Развитие советского права»: Материалы итоговой науч. конф. Новосибирского факультета за 1971 год. Свердловск. 1972. Вып. 7. С. 181–201.

20. Козицин Я. М. О способах хищений, совершаемых с использованием служебного положения (продолжение) // Вопросы правового регулирования в социалистическом обществе:

Материалы науч. конф. Новосибирского факультета за 1972 год. Свердловск. 1973. Вып. 8. С. 183–216.

21. Козицин Я. М. Основные вопросы тактики и методики судебного разбирательства // Вопросы правового регулирования в социалистическом обществе: Материалы итоговой науч. конф. Новосибирского факультета за 1973 год. Свердловск. 1974. С. 140–172.

22. Козицин Я. М. Расследование и рассмотрение дел о хищениях, совершаемых с использованием служебного положения: Учеб. пособие. Свердловск, 1975. 182 с.

23. Козицин Я. М. Суд подчиняется только закону // Сов. Сибирь. 1957. 12 дек.

24. Козицин Я. М. Народный Университет правовых знаний в Новосибирске // Вечерний Новосибирск. 1960. 19 сент.

25. Козицин Я. М. Наш народный суд // Сов. Сибирь. 1965. 16 дек.

Материал поступил в редколлегию 21.01.2018

N. T. Leonenko

*Siberian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation*

lnnk@yandex.ru

KOZITSYN YAKOV MAKSIMOVICH: LIFE FOR PEOPLE

The article is devoted to the approaching 80th anniversary of the organization of higher legal education in the Novosibirsk region – a significant event for the entire legal community of the Siberian region, which will be celebrated in September 2019. The first and for a long time the only higher educational institution for the training of legal personnel in the Novosibirsk region was the Novosibirsk branch of the all-Union law correspondence Institute (VUZI), later transformed into the Novosibirsk faculty of the Sverdlovsk law Institute. For 19 years this branch was headed by the veteran of the great Patriotic war, the order bearer, the honored lawyer of the RSFSR, the candidate of juridical Sciences, the associate Professor Yakov Maksimovich Kozitsin. The article describes the professional way, scientific-pedagogical and organizational activity of the scientist, who made a significant contribution to the development of legal education and legal science in the Novosibirsk region, provides a retrospective analysis of his research interests in the field of criminology. In March 2019, the 100th anniversary of the forensic departments of the internal Affairs bodies will be celebrated. This is another occasion to pay tribute to the scientist who devoted his research to the problems of developing forensic tactics and techniques. The activity of the scientist as a statesman, educator and organizer of legal education and legal science in the Siberian region is also presented. The methodological basis of the study was historical, logical and systematic methods. On the basis of generalization of scientific and literary sources, the personal ideological attitudes, the author concludes about the necessity of studying the experience of previous generations, its preservation and transfer to young scientists.

Keywords: veteran, dean, deputy, personnel policy, criminology, science, faculty, legal education.

References

1. Novosibirskii yuridicheskii institut (filial) Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – 65 let. RITs Novosibirskogo otdeleniya Soyuza pisatelei Rossii [The Novosibirsk legal institute (branch) of the Tomsk state university – 65 years. RITs of the Novosibirsk office of the Russian Writers' Union]. Novosibirsk, 2004, 167 p. (in Russ.)

2. Kozitsin Ya. M. K voprosu o metodike rassledovaniya khishchenii gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva, sovershaemykh s ispol'zovaniem bankovskikh operatsii [To a question of a technique of investigation of the plunders of the state and public property committed with the use of bank operations]. *Questions of the state and law (Materials of a theoretical confer-*

ence on the planned works performed in 1983; master's and doctoral dissertations). Sverdlovsk, 1964, p. 127–131. (in Russ.)

3. Bezryadin N., Kozitsin Ya. Usilit' finansovyi kontrol' za rackhodovaniem denezhnykh sredst [Strengthen financial control over the expenditure of funds]. *Socialist Legality*, 1965, no. 1, p. 58–60. (in Russ.)

4. Kozitsin Ya. M. Rassledovanie khishchenii gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva, sovershennykh s ispol'zovaniem bankovskikh operatsii [Investigation of the plunders of the state and public property committed with the use of bank operations: Extended abstracts of dissertations of candidates of law sciences]. Saratov, 1965, 16 p. (in Russ.)

5. Shmonin A. V. Formirovanie obshchikh polozhenii metodiki rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem bankovskikh tekhnologii [Formation of general provisions of a technique of investigation of the crimes committed with the use of bank technologies]. *Public and Private Law*, 2009, issue 2, p. 187–204. (in Russ.)

6. Kozitsin Ya. M. Nekotorye voprosy naznacheniya i provedeniya kriminalisticheskoi ekspertyzy dokumentov po delam o khishcheniyakh [Some questions of appointment and conducting criminalistic examination of documents on cases of plunders]. *Conference Materials following the results of research work for 1965*. Sverdlovsk, 1966, p. 238–240. (in Russ.)

7. Kozitsin Ya. M. Bukhgalterskaya reviziya pri rassledovanii khishchenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem sluzhebnoy polozheniya [Accounting audit at investigation of the plunders committed with the use of official position(s)]. *Questions of the theory of the Soviet law (The collection of reports to a conference following the results of research work)*. Novosibirsk, 1966, p. 154–163. (in Russ.)

8. Kozitsin Ya. M. Taktika otdel'nykh sledstvennykh deistvii po delam o khishcheniyakh [Tactics of separate investigative actions for cases of plunders]. *Jurisprudence Problems (Conference materials following the results of research work of the Novosibirsk faculty)*. Novosibirsk, 1967, p. 152–180. (in Russ.)

9. Kozitsin Ya. M. Vozbuzhdenie ugovnogo dela i pervonachal'nye sledstvennye deistviya po khishcheniyam, sovershennykh s ispol'zovaniem sluzhebnoy polozheniya [Initiation of legal proceedings and initial investigative actions for the plunders committed with the use of official position(s)]. *Works on jurisprudence (Materials for a conference of the Novosibirsk faculty following the results of research work of 1967)*. Novosibirsk, 1968, p. 128–146. (in Russ.)

10. Kozitsin Ya. M. Nekotorye voprosy preduprezhdeniya khishchenii [Some questions of prevention of plunders]. *Materials of the theoretical conference devoted to the 50 anniversary of the Soviet power*. Sverdlovsk, 1968, p. 257–260. (in Russ.)

11. Novosibirskii yuridicheskii fakultet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Novosibirsk law faculty of Tomsk state University]. *Sketches of history of the higher school of Novosibirsk: collection*. Eds: A. S. Vostrikov, I. A. Moletotov; Novosibirsk Technical Uni. Novosibirsk, 1994, p. 57–60. (in Russ.)

12. Lyudi i gody. Novosibirskii yuridicheskii institute (filial) Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 70 let. RITs Novosibirskogo otdeleniya Coyuza pisatelei Rossii [People and years. Novosibirsk legal institute (branch) of the Tomsk state university. 70 years. RITs of the Novosibirsk office of the Russian Writers' Union]. Novosibirsk, 2009, 190 p. (in Russ.)

13. Galperin L. B., Kozitsin Ya. M. Problemy effektivnosti i organizatsii yuridicheskoi nauki [Problems of efficiency and organization of jurisprudence]. *Jurisprudence Problems (Conference materials following the results of research work of the Novosibirsk faculty)*. Novosibirsk, 1967, p. 3–15. (in Russ.)

14. Gorshenev V. M. Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sovremennyy period kommunisticheskogo stroitel'stva [Ways and organizational forms of legal regulation during the modern period of communistic construction: abstract yew. ... dr. juris. sciences]. Sverdlovsk, 1969, 40 p. (in Russ.)

15. Galperin L. B. Pravovoe regulirovanie otnoshenii promyshlennosti I trgovli i puti ego sovershenstvovaniya [Legal regulation of the relations of the industry and trade and way of his improvement: Extended abstracts of dissertations of dr.s juris. sciences]. Sverdlovsk, 1973, 37 p. (in Russ.)

16. Greenberg M. S. Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti v sfere vzaimodeistviya cheloveka i tekhniki [Crimes against public safety in the sphere of interaction of the person and the equipment: Extended abstracts of dissertations of dr. juris. sciences]. Sverdlovsk, 1973, 34 p. (in Russ.)
17. Kozitsin Ya. M. Planirovanie rassledovaniya khishchenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem sluzhebno polozeniya [Planning of investigation of the plunders committed with the use of official position(s)]. *Jurisprudence Questions (Materials of an anniversary scientific conference of the Novosibirsk faculty following the results of research work)*. Novosibirsk, 1970, issue 5, p. 179–185. (in Russ.)
18. Kozitsin Ya. M. Voprosy vzaimodeistviya pri rassledovanii khishchenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem sluzhebno polozeniya [Questions of interaction at investigation of the plunders committed with the use of official position(s)]. *Legal researches (Materials of a conference of the Novosibirsk faculty following the results of research work)*. Novosibirsk, 1971, issue 6, p. 149–162. (in Russ.)
19. Kozitsin Ya. M. O sposobakh khishchenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem sluzhebno polozeniya [On ways of the plunders committed with the use of official position(s)]. *Reports of a conference of jurists «Development of the Soviet law» (Materials of a total scientific conference of the Novosibirsk faculty for 1971)*. Sverdlovsk, 1972, issue 7, p. 181–201. (in Russ.)
20. Kozitsin Ya. M. O sposobakh khishchenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem sluzhebno polozeniya [On ways of the plunders committed with the use of official position] (continuation). *Questions of legal regulation in socialist society (Materials of a scientific conference of the Novosibirsk faculty for 1972)*. Sverdlovsk, 1973, issue 8, p. 183–216. (in Russ.)
21. Kozitsin Ya. M. Osnovnye voprosy taktiki i metodiki sudebnogo razbiratel'stva [The main questions of tactics and a technique of judicial proceedings]. *Questions of legal regulation in socialist society (Materials of a total scientific conference of the Novosibirsk faculty for 1973)*. Sverdlovsk, 1974, p. 140–172. (in Russ.)
22. Kozitsin Ya. M. Rassledovanie i rassmotrenie del o khishcheniyakh, sovershaemykh s ispol'zovaniem sluzhebno polozeniya [Investigation and hearing of cases about the plunders committed with the use of official position: studies. grant(s)]. Sverdlovsk, SYuI Publ., 1975, 182 p. (in Russ.)
23. Kozitsin Ya. M. Sud podchinyaetsya tol'ko zakonu [The court submits only to the law]. *Soviet Siberia*, 1957, 12 Dec. (in Russ.)
24. Kozitsin Ya. M. Narodnyi Universitet pravovykh znaniy v Novosibirske [Public university of legal knowledge in Novosibirsk]. *Evening Novosibirsk*, 1960, 19 Sept. (in Russ.)
25. Kozitsin Ya. M. Nash narodnyi sud [Our national court]. *Soviet Siberia*, 1965, 16 Dec. (in Russ.)

For citation:

Leonenko N. T. Kozitsyn Yakov Maksimovich: Life for People. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 1, p. 66–75. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2017-14-1-66-75

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балеев Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

Вахрамеева Людмила Николаевна – аспирантка Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры Новосибирской области (Новосибирск, Россия)

Власова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ярославского филиала Московского финансово-юридического университета (Ярославль, Россия)

Данилов Игорь Борисович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – Филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия)

Дремлюга Роман Игоревич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по развитию Юридической школы Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия)

Ершова Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)

Красняков Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Леоненко Наталья Терентьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия)

Переладов Константин Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Пологутина Кристина Сергеевна – магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Романова Лариса Ивановна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Заслуженный работник высшей школы РФ (Владивосток, Россия)

Шепель Тамара Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать» – 18284, в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: «История и теория государства и права», «Конституционное и муниципальное право», «Гражданское и предпринимательское право», «Трудовое право и право социального обеспечения», «Экологическое право», «Гражданский и арбитражный процесс», «Административное и финансовое право», «Уголовное право и процесс, криминалистика», «Международное право» и «Научная жизнь, публикации, рецензии, переводы». Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п.л., научного сообщения – 0,5 п.л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК¹.

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12. С. 37].

В конце статьи помещается список литературы в **порядке цитирования**. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий),

¹ См. онлайн справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы (с указанием почтового адреса и индекса);
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail (*обязательно*), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (*данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором*).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

И. И. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ivanov@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

В статье рассматривается ...

Ключевые слова: регламент, соглашение, принцип.

Основной текст статьи...

Список литературы

1. *Гладышев С. И.* Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. *Проскурин С. Г.* Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2008. Т. 4, вып. 2. С. 11–18.
3. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
4. Contemporary Issues of the Semiotics of Law. Oxford: Oregon, 2005. 208 p.

I. I. Ivanov

*Novosibirsk State University
I Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ivanov@mail.ru

EUROPEAN LAW

The current article deals with ...

Keywords: regulations, agreement, principle.

References

1. Gladyshev S. I. Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)
2. Proskurin S. G. Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, pt. 2, p. 11–18. (in Russ.)
3. On Non-commercial Organizations: Federal Law dated 12.01.1996, № 7-FZ. *CL RF*, 1996, № 3, art. 145. (in Russ.)
4. Contemporary Issues of the Semiotics of Law. Oxford, Oregon, 2005, 208 p.

Сведения об авторе:

- Иванов Иван Иванович
- ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
- доцент
- кандидат юридических наук, доцент
- ivanov@mail.ru
- Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru